

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ
ФЕРАЩИ
Крутой

21935

1930

7-00

Цена 1 руб.
Тир

A569619

M-294-г.к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА РСФСР

Москва, Центр, Богоявленский переулок,
Тел. 2-65-31 и 5-50-80. Ленинград. Ленотг
Проспект 25-го Октября, 28. Тел. 5-34-

PK-1

PK-1

M-29

О Ч Е Р К И

РЕРЕВИРЕН

4392 14920
БІБЛІОТЕКА
Одд. Пресвиц. Спільн.
Рад. Письменників
21/13 № 109/14

~~Книгозбірня Будинку
літератури
Ім. В. Бачинського
інв. № 21935~~

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ“
МОСКВА
1 9 3 0

ОБОВ'ЯЗКОВИЙ
ПРИМІРНИК

РР-М

ПРАВДА

Обложка работы В. О. Роскина

Тип. газ. „Правда“ Тверская, 48

Главлит № А — 54539.

Зак. № 2160 Фосп 333

№ 333 Тираж

4000 экз.

ЛЕНИН

ЛЕНИН

ЛЕНИН

М-294-Р.К.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВ. БІБЛ. ТКА

ХНУ ІМЕНІ Б.Н. КАРАЗІНА

Inv. № А 569619

5

КРЕПОСТИ ПРОЛЕТАРИАТА

1. Черлак в черновике

Несуществующая улица упирается в ярко-желтое решетчатое нечто. Оказывается, это строящийся гараж. Здесь кричат и поют рабочие, нога утопает в стружках, курить строго воспрещается, зевать нельзя: зазеваешься — ударят бревном по голове.

Дальше, на зеленом фоне степи высится огромная белая цистерна, в которой хранится горючее. Слева расположен недавно достроенный кирпичный завод, справа — склады материалов и низенькие саманные хибары бывшей деревни.

На сараях, на уборных, на каких-то временных досчаных постройках, на стенах кухни-столовой красуются странные надписи. Громадными черными буквами начертано... terna: ternational... export Chicago... Zernotrest... tara. Такие же обрывки английских слов читаю на ставнях конторы.

Догадываюсь: ящики из-под импортного об-

орудования. И, сопоставляя все увиденное—возникающие в степи улицы, белую гордую цистерну, установленную среди ковыля, американские тракторы, восьмисоттысячное строительство, говорю:

— Америка!

— Америка, — соглашается прораб. — Это бросается в глаза даже здешнему кулачю. Они уже сделали свои выводы. По всему Прииртышью слух пустили, что «Зернотрест» — американская концессия и хлеб, мол, будет вывозиться в Америку.

— Помилуйте, говорят,—мы видим надписи то везде американские. Некоторые деревенские самым серьезным образом нас спрашивают:

— Мериканцы вы, али нет?

— Какие же мы американцы, когда мы русские.

— Так... Такой слух идет!

Первого мая, после парада, из Ново-Омска вышел механический караван. Тракторы и автомобили шли цугом, небывалая процессия растянулась на десять километров. Так, с шумом, ревом, звоном, «Зернотрест» пришел в Черлакскую степь. Землемеры работали здесь еще с прошлой осени. К весне выделили под совхоз около 70.000 гектаров земли. А к осени эту территорию предполагается дерзновенно расширить до 200.000 гектаров.

— Кулачье, разумеется, пытается помешать нашей работе, — рассказывают совхозовцы. — Распускает всякие дикие слухи, что «американцы» на совхозе эксплуатируют рабочих. Плата, мол, рубль и питание — рубль. Но кулак играет собаку на сене — сам не хам и другим не дам. Ведь земли то в подавляющем большинстве, — целина. Сюда, в глубину степи никакой дружной попытки проникнуть крестьянство не делало.

Действительно, насколько можно понять, обработанной земли в этих краях немного. Крестьяне, в массе, итти сюда боялись: про эти степи шла молва, что они безнадежно безводны. Рисковать сюда шли лишь отдельные предприимчивые хозяева. Эти хуторяне выиграли ставку. Повидимому, жили хорошо, ибо выселяются с большой неохотой.

Постепенно, мало по малу, район бы, конечно, заселился. Но единоличнику, при всем его желании, не использовать эти земли так, как их намерен использовать совхоз. Зернотрест бросил сюда восемьдесят шесть тракторов. Шесть быков тянут один плуг — трактор марки «Oil-Pool» тянет десять плугов. Один «Oil-Pool» заменяет шестьдесят быков. Ныне громадные пространства здешней земли поднимаются впервой от века. «Интернационалы», «Ойл-Пули», «Клетраки» день и ночь в три смены бегут тяжелым бегом по Черлакской степи, ломая ее целину, опрокидывая за пластом

пласт, вверх черным брюхом на травянистую спину.

«Прораб» — это производитель работ. Человек, на котором лежит ответственность за постройку всех пятидесяти трех строений, целого городка, возникающего в степи. Прораб — всему голова.

— Вот мы идем сейчас с вами по улице, — говорит прораб. Здесь будут жилые дома. А дальше, вон там будет парк.

На месте жилых домов ямы, груды кирпича, бревна. На месте же парка голая степь, где от века не росло ни одного деревца.

— Мастерские, школа, клуб, хлебопекарня, больница, — перечисляет прораб, — строительства на восемьсот тысяч рублей. А о сельскохозяйственных работах придется беседовать с директором. Кстати, не в этой ли он палатке? Зайдем-ка.

Но в большой гессенской палатке обитают не люди, а зеленоватый легковой автомобиль. Конечно, ему немного тесно, он стоит поперек, а когда его выводят, приходится отгибать у палатки борт.

— Гараж еще не достроен, на-днях достроим — объяснил прораб. Тогда машина пойдет в гараж, а палатка превратится... в контору. Однако где же товарищ Павлов?

Тов. Павлов, директор Черлакского совхоза, лежал под автомобилем.

— Товарищ Павлов!

— Ну? — откликнулся он угрюмо. — Я здесь сейчас вылезу.

Директор совхоза — человек очень энергичный и очень суровый на вид. За глаза его дразнят «Кембпел номер два». Кто знает, может быть черлакское зерновое хозяйство окажется и на самом деле не хуже кембеловского. Во всяком случае все мы хотим чтобы было так. В наших диких, полуазиатских, в переносном смысле этого слова, и в азиатских, в прямом смысле этого слова, условиях очень трудно создать безукоризненное хозяйство. Но именно это мы и ставим себе в задачу. Поэтому прозвище «Кембпел номер два» не должно обижать тов. Павлова.

— Он лютый, потому что спит только два часа в сутки, — объяснил мне один тракторист. — Он целый день и полночи работает, наш директор.

Зернофабрики создаются, как известно, в самом спешном порядке. Трактористы, как и на большинстве других новых совхозах страны, молодцы и неопытны. Одномесячные или, в лучшем случае, двухмесячные курсы не смогли дать первоклассных работников. Снабжение совхозов горючим и смазочным материалом в начале лета этого года было плохо налажено. Плохо налаживалось рабочее питание — кооперация, взявшая это дело на себя, не смогла с ним справиться. В такой обстановке легко себе можно представить как про-

водит время директор. Автомобильное сиденье заменяет ему стул. Единственная форма отдыха — это сон.

Я не знаю, почему именно с мотором автомобиля, стоящего в палатке, возился в тот день сам директор. Видимо, механики были заняты чем-то по горло. Директор вышел, наконец, из палатки. Он вытер паклей руки, извлеченные из маслянистого чрева машины, и торопливо выложил мне те данные о совхозе, которые считал наиболее важными:

— Земли у нас много, но и работы над ней будет немало. Отдельные участки очень хороши, но кое-где слой чернозема очень неглубок, приходится при вспашке захватывать глину.

— Точной картины дать еще нельзя. Рано. Почвоведы не вернулись с изысканий. Есть сведения, что найдены очень удобные земли там, где вовсе никто не ожидал.

— Район довольно засушливый. 250 миллиметров годовых осадков, при чем на вегетационный период приходится лишь 72 миллиметра. Снеговой покров не выше 3 вершков. Сильные ветры сметаю снег с этой ковыльной степи.

— Вода? — С водой неважно. За пятнадцать лет из трехсот двадцати семи заложенных скважин лишь семьдесят шесть дали пресную воду. Велик процент и вовсе безводных скважин. Здесь имеют место резкие колебания подпочвенных вод.

— Словом, здесь будет над чем потрудиться. Сюда нужно целую армию почвоведов и агротехников, здесь нужно будет соорудить мощные щиты лесонасаждений, защищающие совхоз со стороны господствующих ветров. Надо искать и другие способы задержать на полях влагу.

— Нужно упорно и не скупясь в средствах производить глубокое бурение.

— Нужно изменить лицо степи. Нужно взять от этой земли максимум того, что она может дать. К посеву будущего года совхоз поднимает 34.000 гектаров целины. В среднем, в урожай будущего года можно ждать пудов по шестьдесят с десятины. Пространство большое — в одном участке, может быть, удастся взять сто двадцать пудов с десятины, на другом — тридцать пудов.

Кто знает? Берем целину. Пробуем!

Наступает ночь. Народ разбредается на отдых по палаткам, временным сарайчикам, по избам и хлевам бывшего крестьянского хутора Брусилówki. Где-то в черной степи дрожащим усталым белым огнем маячат фары запоздавшей машины. За складом ревет верблюды. В строительной конторе еще не спят. Через открытое окошко я вижу фигуру студентки-практикантки. Она что-то чертит.

— Это черновики, черновики — говорит она кому-то.

Весь совхоз еще в черновике. Гигантский черно-вик, спешно вычерченный на зеленой плоскости степи, оживает.

Американские машины, азиатские степи, московское упорство — советский хлеб.

2. На разных берегах

Черлакский совхоз лежит в пятидесяти двух километрах от ближайшей пароходной пристани. Эта пристань—бывшая казачья станица Черлак. Станичники еще недавно носили штаны с лампасами и остатки былого величия—форменные фуражки с околышами.

С первых часов моего пребывания в черлакском районе, я заметил, что отношения между станичниками и совхозом довольно холодны. На пароме через Иртыш слышал я ленивую перебранку старого казака с трактористами.

— Варнаки, варнаки,—сокрушенно сказал казак.

— А кто ты есть?—язвительно спросил тракторист. Кто вы есть, казаки?

— Они Ермака потомки!—крикнул какой-то гуртоправ.

— Вот именно: мы есть Ермака потомки,—согласился казак.

— Врешь! Ермаковских не осталось! Они все потонули, — заявил тракторист. — А знаешь, кто вы есть? Вы есть грабителивo семя. Вы есть эксплуататоры кыргызов!

— У, якори тебя!—закричал казак. Тоже, заступник нашелся. Обмен кыргызский.

«Обмен»—по старой сибирской терминологии—человек, которого обменяли, купили, т.-е. невольник. Тракторист этого оскорбления не понял, а старый казак хохотал и даже приплясывал от радости, что уязвил противника.

— Якори тебя в душу, якори тебя в душу!!—кричал он.

На совхозе производитель работ рассказал мне любопытнейший случай.

— После обеда иду к постройке. Гляжу, вся артель работает, а один рабочий лежит рядом, брюхом вверх, руки раскинул и храпит. Я испугался, думаю—солнечный удар, что ли.

— В чем дело?

— Рабочие пересмеиваются... — Он,—говорит,—отдыхает. Спит, мол, и похрапывает.

— Как так спит?

— А он за себя киргиза нанял работать. За обеденный талон.

Казака разбудили и уволили. Киргиз продолжал работу, но уже не за обеденный талон, а за законную плату.

— Это местное население, люди из Прииртышья, никуда не годится,—жалуется прораб.—Они ленивы. Они говорят, что заработок мал, а на самом деле просто не хотят работать. Киргиз—землекоп,

человек слабосильный, не привыкший к физическому труду, и тот зарабатывает больше, чем казак. В организационный период, в начале лета, через совхоз протекло около трехсот местных рабочих, в большинстве казаков. И большинство ушло по личному желанию. Осталось на работе человек десять, да и то не русских, а украинцев. Пополнение пришлось выписать с омской биржи труда.

Утром мы поехали с совхоза в Черлак. Сначала путь лежал по кромке черного моря поднятой целины. Впечатление моря усиливалось еще и тем, что над бескрайней черной взлохмаченной поверхностью пашни реяли ослепительно белые чайки-мартыны, прилетевшие сюда с Иртыша. Дымки тракторов на горизонте походили на дымки военных судов, идущих развернутым строем.

Когда пашня скрылась за увалом, и автомобиль миновал несколько небольших поселков, на востоке открылся иртышский берег. Там, на бледно желтой полоске правобережного яра, стоял Черлак.

Чем ближе мы подходили к берегу, тем хуже становилась дорога. Машина запрыгала по рытвинам и ухабам.

Навстречу показался обоз.

— Черлакские везут на совхоз кладь,—сказал кто-то из пассажиров автомобиля.—Да он стоит, обоз! Что-то у них случилось.

Поравнялись. Оказалось, что телеги обоза застряли в ямах поврежденной дороги. Возчики-казаки с криком и руганью перегоняли через яму везы, и каждый воз по-очереди вяз в яме.

Кругом дороги — заросли кустарников. Набросать кустарников в яму, замостить дорогу — дело нескольких часов. Однако никто не хочет сделать этого.

— Вокруг Черлака все дороги такие. На одной из дорог есть знаменитая лужа. Она называется «Зеркало Черлакского рика». Черлакцы переходят ее разувшись, а когда она от дождей становится глубже, снимают штаны. Запишите это, тов. корреспондент, — говорит мне техник.

Совхозовцам недолго осталось ездить по черлакской дороге. Совхоз решил строить свою собственную пристань напротив станицы Урлютюп на песчаной косе Клин. Это сокращает путь от совхоза до берега на 19 километров. Там прекрасная дорога, там будет строиться дамба и, главное, как говорят совхозцы, там вовсе не будет «черлакского духа».

«Черлакский дух» — довольно унылая атмосфера казачьей станицы, обедневшей еще не настолько, чтобы, подобно крестьянской бедноте, приветствовать совхоз, как работодателя, — явно нервирует зернотрестовцев. Когда зернотрестовцы идут по широкой пыльной улице станицы, из домов, похожих на бревенчатые блокгаузы, выглядывают

не особенно приветливые лица. Женщины с поджатыми губами, седые старики, быть может, помнящие времена Кокандских походов... Матери, отцы сыновей, которых взял с собой и потерял где-то в Семиречьи атаман Анненков.

Леность, враждебность. Ленивая враждебность, враждебная леность.

— Казак на печи лежит, на него жинка работает — объясняет молодой паренек из крестьян.

— Казаки неисправимы,—воскликает московский студент-практикант. А другой студент-практикант-томич краснеет и отворачивается в сторону. Я знаю причину его гнева и смущения,—он сам происходит из казачьей семьи. Я знаю, ему хочется возразить:

— Врешь, вот я сын казака,—такой же строитель социалистического хозяйства, как и ты—москвич!

Но он промолчал и отвернулся.

Мальчишка лет одиннадцати вынес нам молока.

— Ты казачок?—спрашиваю его я.

Мальчишка испуганно смотрит в землю. Как будто бы я его обругал. А я и не думал обижать мальчугана. Я просто спросил...

А, в конце-концов, нет ни обиды мальчика, ни гнева студента, ни тоски старика,—есть болезненно проходящий процесс ассимиляции бывшего казачества с окружающим населением. Чем поможешь?

3. Крепости пролетариата

Омская районная строительная контора «Зернотреста» ведет постройку шести совхозов, из которых три — Черлакский, Борисовский, Ново-уральский — находятся в Омском округе Сибирского края, а три остальные — Суворовский, Бобровский и Чаглинский — в Казакстане.

Черлакский, Ново-Уральский, Суворовский и Бобровский совхозы тяготеют к Иртышу. Эти совхозы вытянуты в линию между Омском и Павлодаром. В былые времена над иртышским берегом (правым) стояли казачьи крепости и форты — крепости и форты русского империализма. Ныне по Иртышу вытягивается линия крепостей пролетариата, — мощных зернофабрик Зернотреста.

Ров копали и во рву острог ставили, и город крепили, и божеею милостью отсиделись, и многих воров переимали. Голод, нужду всякую терпим и с голоду, государь, и с ознобу помираем на царских службах. А хлебного жалования нам, холопам государевым, приходится четь муки и толокна по тому ж. И нам, холопам государевым, прокормиться нечем с женишками и детишками.

Так жили поначалу в крепостях империализма. Несли стражу, воевали с воровскими киргиз-кайсаками, голодали и посылали челобитные в Москву.

В те времена хлеб в Сибирь шел из России. Устькаменогорские казаки получали провиант из Тобольска и поднимали его вверх по реке, «идучи в лямках, упражнясь в том все лето и осень, пла-

2

Л. Мартынов

СПИСОК
РАБОТНИКОВ
СЛУЖБЫ

17352

Книгохранилище
И. В. ... 17-го
21935
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-БИБЛИОТЕКА
ХНУ ИМЕНИ В.Н. КАРАЗИНА
И. В. ...

тьем приходя в наготу и от холодности вод впадая в бессилие и в тяжкие болезни».

Это было в Прииртышье, именно, в тех краях, где теперь создаются могучие зерновые хозяйства, хлеб откуда пойдет на снабжение Европейской России и Туркестана.

Казачьи станицы умирают на правом берегу Иртыша, на левом берегу рождаются гиганты-совхозы, хлеб из которых хлынет за Урал по сверхмагистрали.

Прииртышье, в пределах одного только Омского округа, в случае среднего урожая, даст в будущем году около пяти миллионов лишних пудов пшеницы. А когда совхозы окончательно развернут свою деятельность, территория их по Омскому округу дойдет до четырехсот тысяч гектаров. Считая в среднем пятьдесят пудов с десятины, мы вычислим цифры ежегодного сбора хлеба на совхозе округа в двадцать миллионов пудов.

На каждой зернофабрике находится по несколько сот человек рабочих. Каждая зернофабрика — новый городок в степи. Крепости пролетариата вооружены тяжелыми орудиями. «Ойль-Пуль», похожий на паровоз, «Клетрак», ползущий словно добрый танк, — разве это не тяжелые орудия?

Совхозы оборудуют свои собственные пристани на реке. Совхозы прокладывают себе новые прямые дороги, перепавая под пашню старинные извилистые крестьянские пути.

Но пристани и грунтовые дороги — это по-
путно. Десять, двадцать миллионов пудов зерна
требуют себе другого, железного пути. Проект по-
стройки железнодорожной ширококолейной вет-
ки, обслуживающей все совхозы Прииртышья и
выходящей на магистраль западнее Омска, уже
разработан.

Если же будет построена ветка — совхозы за-
хлебнутся своим зерном.

Впрочем, название «ветка» едва ли подходит для
того железнодорожного пути, который должен
пройти параллельно Иртышу неподалеку от Ом-
ска.

Совхозовский участок пути свяжет север Казак-
стана со станцией Иссиль-Куль на Омской желез-
ной дороге. Но надо помнить, что в проекте по-
стройка лесовозной ветки Тара — Тюкалинск —
Иссиль-Куль. И надо знать, что Экибас-Туз, уголь-
ные копи Прииртышья, бывшие до революции в
концессии у Уркварта, а теперь стоящие на кон-
сервации, также требуют приближения к себе же-
лезной дороги.

Таким образом, рано или поздно, к зерновой ко-
лее с севера примкнет колея лесная, а с юга колея
угольная. Создастся довольно значительный мери-
диальный путь, который в будущем, возможно, со-
единится с Турксибом.

Степь... в сети дорог железных.

Откуда это?

Говорят, это из песен бая на Ортан-бая в переводе сибирского поэта-романтика. Может быть, даже Ортан-бай здесь не при чем, русский сам выдумал эту песню, но выдает ее за киргизскую. Это неважно. Вот песня:

Черным зловещим дымом
Охватила полночь небо,
В нашем краю любимом
Не стало земли и хлеба.
Поникли черные травы,
Пустынны, как поле, юрты,
И смерть там колдует нынче...
От смерти угонишь ли гурты.
В сети дорог железных
Киргизы, как жалкие мухи.

«Не стало земли и хлеба». Характерное крестьянское нытье. Нет, эту песню сочинял, конечно, не Ортан-бай, а русский псевдоним!

Земли сколько угодно. Когда понадобилось, землеустроители окрзу выявили в Омском округе несколько сот тысяч целины. А по Казакстану является свыше пяти миллионов земли, годной для посева хлебных злаков.

Хлеб будет.

Киргиз переходит на земледелие и культурное скотоводство.

Железные дороги им не только не мешают, но даже очень нравятся.

Время идет. Расовый вопрос перестает быть важным здесь, в Северной Азии. Под Омском мирно уживаются киргизы и немцы, украинцы и мадьяры, латыши и татары, великороссы и китайцы.

А не так ли давно над Омью стояло дерево, на котором, в виде граничного знака, вырезан был воин в полном вооружении.

Теперь это дерево срублено. И пень, вероятно, выкорчеван и сожжен. А если не сожжен, так лежит на высоком омском яру окаменелый и черный, как лицо старика-станичника.

4. Вода

В белой мазаной украинской хате, стоящей неподалеку от киргизского священного озера Джалатыр, сидел молодой москвич и недоверчиво смотрел на ведро, наполненное колодезной водой.

— Это вода... ее и пьют?—тяжело выговаривая слова, спросил москвич.

— Ее и пьют и моются ею также, — подтвердил хозяин хаты, чернявый человек с проседью.

— Она... соленая?

— Я вам скажу вот что! — сказал хозяин. — Как барон Фальцфейн, известный богач-скотовод, у которого мой дядя в пастухах служил, приезжал в Москву в гостиницу «Метрополь», он в кружку воды клал щепот соли. Иначе не пил. — Подайте мне, — говорит, — бокал воды со щепотом соли!

Гость уныло закурил папиросу. Хозяин демонстративно зачерпнул из ведра ковш воды и выпил.

— Барон Фальцфейн так говорил: «Я живу на степу и воду соленую почитаю за приятность. От воды соленой мои скоты здороваются!»

Гость-москвич был техник, приехавший строить совхоз. Хозяин-украинец был старый переселенец из породы пионеров, из породы людей, которые осмелились осесть на соленой киргизской земле.

Колодезная вода все же во много раз лучше озерной. Она холоднее и потом в ней нет никаких подозрительных существ — бармашей и головастиков, пугающих непривычного человека.

Строительные рабочие, едва прибыв из Омска на Борисовский совхоз Зернотреста, спешно написали в редакцию омской газеты тревожное сообщение: «Пьем воду с микробами... до того большими, что рабочие называют их «рыбами».

Горожане испугались степной воды. Ларек потребкооперации выгодно заторговал фруктовой. Однако не в этом дело.

Можно считать за факт, что громадные пространства хлебодородной земли лежат до сих пор в девственном состоянии, именно, по причине отсутствия хорошей пресной воды. Крестьяне сознательно обходили эти земли.

Старые учебники краеведения (1916 год) дают такую характеристику юга Омского округа:

«Климат материковый и отличается холодной, малоснежной зимой. Осадков в северной части

выпадает больше, чем в южной. Поэтому нередко бывают засухи. Пресной воды мало, поэтому для населения устроено много колодцев и котлованов для задержания весенних вод. Население состоит из великороссов, малороссов, немцев-колонистов, поляков, евреев, местных инородцев, главным образом, киргизов. Оседлое население занимает лучшие северные земли, киргизы — южные, полупустынные земли, где земледелие уже невозможно».

Было невозможно для переселенцев того времени, поправим мы. Позднейший переселенец подошел вплотную к границе киргизских земель, а затем и переступил ее.

А Зернотрест, вооруженный плугами и тракторами «Интернационал», смел все границы.

Земли Черлакского и Борисовского совхозов лежали без применения с незапамятных времен. На сорока тысячах десятин нынешнего Борисовского совхоза до сих пор кочевали киргизы-скотоводы. Украинцы из села Борисовки брали, конечно, у киргизов в аренду отдельные участки земли и снимали с них хорошие урожаи. Но это было не заселение района, а просто хищнические налеты на целину.

— Киргиз сдавал участок в аренду крестьянину за мешок муки, — рассказывают землеустроители. Учсть это было чрезвычайно трудно. Теперь громадная часть Джалатырских массивов отошла сов-

хозу. Киргизские аулы должны осенью откочевать на новые места.

Водное наследство, полученное совхозом, невелико. Несколько небольших озер, в числе которых находится и священный Джалатыр, давший название району, и несколько колодцев. Вода, как в озерах, так и в колодцах неважная.

На первых порах приходится довольствоваться и этой водой. Глубокое бурение, работы по изысканию пресной воды ведутся Центрогидростроем. Это учреждение добывает воду не так быстро, как того хотели бы совхозчики. Совхозчики ругательно зовут Гидрострой просто «гидрой». — «Гидра» опять обманула, не вырыла во-время колодец.

Вода будет. Но, разумеется, трудно найти ее в течение ста дней здесь в степи, пустовавшей сто лет именно из-за трудной добычи воды.

Вода нужна не только для питья и умыванья, но и для строительства. Прораб Борисовского совхоза Кауфман не стал дожидаться, пока «гидра» добудет ему воды. Прораб Кауфман ранней весной на свой риск предпринял ударное рытье котлованов. Кауфман отвоевал у весны добрый кусок снега и загнал этот снег в яму. У Кауфмана хватило воды. И глинолитное строительство на Борисовском совхозе поспело даже ранее срока. Кауфман получил за это благодарность приказом из центра.

А на других совхозах Омского округа почему-то

запоздали с рытьем котлованов. И к середине июня месяца обнаружился недостаток воды. В некоторых местах ее подвозили за пятнадцать, двадцать километров.

И еще о воде. Часто ее не могут найти там, где надо. И нередко ее с ужасом обнаруживают там, где не надо.

Например: в бочках с керосином и бензином. Бензин с водой — явление частое. Кто гадит? На кого жаловаться?

Совхозные Шерлок-Холмсы не открыли этой тайны. Скорее всего в этом виноваты заводы, производившие зимой пробу бочек и не удалившие из бочек лед перед тем, как наливать керосин и бензин.

5. Молодняк

Воздушная лавина неслась над степью с юго-востока на северо-запад. Свистел и дрожал изогнувшийся ковыль. Гудя, надувались палатки и время от времени хлопали своими парусиновыми боками. Зыбь шла не только по озерам, но и по поверхности супа в чашках трактористов, обедавших на открытом воздухе.

— Ветер ненастье надувает, — сказал тракторист, сидящий рядом со мной. — В степи ненастье — гибель. Вот, когда мы пришли в мае, ударили дожди, а после пал снег. Туго пришлось нам!

— Расскажи, как дело было.

— Дело было весело. Вышли мы с Ново-Омска целым караваном. Ну, и ползли самотеком. Тракторы, автомашины в линию по дороге шли. Неделю в пути.

— Благополучно дошли?

— Несколько тракторов поломали малость. Неопытность. Знаешь ли, только месяц учились. Однако в общем дошли благополучно. Прибыли на место. Где жить? Степь! Поселочек тут был, так арендаторы к себе не пускают. Самим тесно, мол. А выселить их сразу нельзя. Нет такого закона. Тут, как раз мороз ударил, отзимье. Конечно, многие стали страдать насморком и болью в костях. Мы, конечно, понимаем, что мы пионеры, робинзоны, но все же пришлось нам поначалу туго. Мужики насмехались: «Советские вы пахари, пригнали вас сюда, как скотину, даже хлебов вам не дали». Однако мы отвечали: «Ничего, через год тут город целый будет с баней, прачечной, школой для малолетних и фруктовым парком. А вы, мужики, как были в избах, так и останетесь».

Тракторист взглянул на меня победоносно и пошел за добавочной порцией супа. Я подождал пока он вернется и спросил:

— Насчет фруктового парка заправка или правда?

— Ей, богу! — ответил парень, — вот спросим того немца, что красным платочком повязан. Ганс, подойди-ка сюда.

Ганс, носатый, загорелый тракторист, несящий на голове вместо шапки красный платок, походил не на немца, а скорее на афганца. Он подошел и, войдя в курс нашей беседы, сказал эпическим тоном:

— Я есть батрак. Семья нет. Своя колония ушел, весь округ ходил. Все замечал. Тофариш, почему хохли имеют канадский слива, яблок-анис, белый налив, ранет? Хохли, немец есть культурный наций. Мужик есть некультурный наций. Наш совхоз должен показать для мужика — яблок, слив здесь вызвать имеют. Я думал так.

Из таких ребят, несомненно, выйдет толк. После того, как побываешь в лагере трактористов, негодующие возгласы, слышанные на участках, теряют половину своей остроты.

Да, «они поломали Клетрак». «Они зевают». «Они перепахали дорогу».

Все это так. Иначе, конечно, и быть не могло. Они ломали, ломают и некоторое время и впредь будут ломать машины, в особенности сложные машины в роде «Клетраков». Это надо было знать заранее. Надо было знать заранее, что месячные курсы не могут превратить вчерашнего батрака в перwokлассного рулевого. Кто это предполагает, тот — наивный человек.

Почему известный процент машин вышел из строя и отдыхает на ремонтном дворе? В этом надо винить не новоиспеченного рулевого, а тех, кто

не озаботился заблаговременно выписать запасные части.

Трактористы фактически учатся уже на работе. Наука дается нелегко. Но с каждым днем, с каждой неделей, рулевые работают все лучше и лучше.

Женщинами-трактористками, — а их на совхозе немало, — инструкторы чрезвычайно довольны.

— Женщина скромнее, чем парень, стесливее, самолюбивее, аккуратнее, — перечислял мне женские достоинства один молодой инженер. Женщины внимательны к машине, боятся ее повредить, боятся получить выговор. Женщины-трактористы ставятся в пример мужчинам.

А кроме всего остального, женщина просто необходима здесь в пионерской степи, на бивуаке, переполненным молодым и веселым народом. Женщина упорядочивает быт, инстинктивно борется с неряшливостью и всяческим свинством.

И по вечерам, когда смена тракторов возвращается с поля, у гаража можно наблюдать интересный и приятный для глаза фокус: загорелый рулевой, сойдя с трактора, сбрасывает с себя пыльное комбинэ и оказывается, что это вовсе не рулевой, а тоненькая, зеленая, перетянутая желтым ремешком, комсомолка.

6. За Казакской границей

Мы ехали в Казакстан наводить порядок на Чаглинском совхозе, где затянулось строительство.

От Омска до Чаглов предстояло сделать триста верст степью на автомобиле.

Мы переправились на пароме через Иртыш, затем пересекли линии Тюменской и Челябинской железных дорог. Некоторое время путь наш лежал мимо березовых колок. Изредка по сторонам большой дороги вытягивались ряды изб — это были селения. На юге Сибири не дороги прокладываются через населенные места, а населенные места возникают при дорогах. Дороги старше селений.

На совхозах не так. Трактористы пашут старые крестьянские дороги, извилистые и торные, и по плану намечают новый прямой и широкий путь.

Пока что эти новые пути довольно кочковаты, — они не утрамбованы как следует, но они широки и прямы.

— Прямы, как дорога к социализму, — шутят зернотрестовцы.

Когда машина проходила селения, собаки не встречали нас лаем. Они или равнодушно лежали у околиц, или же молча, со снисходительным видом скакали вслед за автомобилем.

Крестьянские ребятишки также не проявляли особенных признаков возбуждения, увидев автомобиль. Автомобили этой дорогой ходят почти ежедневно, здесь идут автобусы Автопромторга — на Борозое, здесь все время шныряют грузовики

и легковые фордики Зернотреста. Таким образом, машины здесь вовсе не редкость.

К полдню приехали на Борисовский совхоз. Веселым соломенным золотом сверкали стены недавно возведенных глинолитных построек. На балконе двухэтажного временного барака-общежития стояли работницы в пестрых платках, наблюдая парней на спорт-площадке. Один парень вертелся на турнике, другие играли в мяч. Был час обеденного перерыва. Часть рабочих сидела под навесами столовой и ела щи. У окошек конторы плотники-немцы ссорились с киргизами-землекопами. Те и другие объяснялись на своем языке, но ругались по-русски. Переругивались без злобы и без причины, для развлечения. Был обеденный час.

Прораб Кауфман, творец всего этого земного благополучия, должен был уехать с нами на Чаглинский совхоз. Прораб Кауфман до смерти не увидит покоя — наладил дело на одном совхозе, перебрасывают на другой. Энергичных людей у нас немало, но людей, с толком умеющих применить свою энергию к делу, — значительно меньше. К их числу принадлежит прораб Кауфман.

Километров на двадцать, окружая березовые леса, озера, выходя к околицам чужих деревень, растянулись участки пахоты Борисовского совхоза. Через глиняные руины разрушенного аула, мимо деревянных оградок киргизских кладбищ, мы

вышли на большую дорогу, ведущую к казакской границе.

День был зноен. Синие полосы березового леса то и дело отделялись от земли и висели над горизонтом, напоминая облака. Кол, вбитый в степи, превращался в колеблющуюся дымчатую башню. Вся степь как бы шевелилась и гудела от зноя.

На казакской границе, километрах в двухстах от Омска, мы попали в грозу. Туча примчалась неожиданно с юго-востока. Минут пятнадцать лил ливень. Машина вертелась на скользкой дороге и все стремилась повернуть на 45 градусов, словно боялась бежать вперед.

Казакская граница это не только административная линия, нанесенная на карту по распоряжению свыше. Когда именно мы перешли границу—я не заметил — столбов нет, пограничников тоже, но характер степи явственно изменился вскоре после того, как мы миновали последнее русское селение Ново-Ильинку. Степь потемнела, здесь мы заметили журавлей, которых не видели над Сибирью.

На протяжении пятидесяти километров мы не встретили ни одного селения, тогда как на сибирской территории поселки и хутора виднелись через каждые десять-пятнадцать километров. Наконец, впереди показался большой аул юрт в сорок. Юрты стояли правильным полукругом. На обширной площадке, ограниченной этим полукругом,

бродило множество людей, около озера толпились стада. А из самого озера торчали к небу рогатые тупые морды быков.

Лошади скакали по дороге вслед за автомобилем, чего я никогда и нигде раньше не примечал. Один бык бросился даже навстречу машине, либо с перепугу, либо имея в намерениях прободать радиатор. Шофер клялся, что бык пошел в атаку на автомобиль. — «Такие случаи в диких краях бывают», — говорил он. Как бы то ни было, машине пришлось сделать крутой поворот для того, чтобы избежать столкновения с животным.

Так мы прибыли в аул, в настоящий казакстанский аул. Казаки трогали кузов машины, смотрелись, как в зеркало, в автомобильные фары, кричали, смеялись, подходили здороваться за руку, и каждый из нас вынужден был обменяться рукопожатием, по крайней мере с сорока казаками.

— Кумыс есть? — спросил один из нас.

Сейчас же нас пригласили пить кумыс, при чем я расслышал, как один пожилой киргиз сказал другому:

— Смотри, если он будет давать за кумыз деньги, не бери!

Однако здесь еще патриархальные нравы. Соблюдается древний закон гостеприимства.

— Хорошо живете, свободно, — говорю я. — Гоняете по степи стада, как ваши деды гоняли.

— Гоняем, — смеясь отвечает пожилой киргиз.

— Не так хорошо гоняем, как прежние баи гоняли, но все же, жаловаться пока нельзя, только ходит слух, что с будущего года дадут нам норму земельную, хотят, чтобы мы перешли на оседлость.

Говорит спокойно, без гнева.

Притворство, безразличие? Понять трудно.

— Совхоз эти земли забирает. Ну, что-ж... Степь велика...

— А баи у вас где? — спрашиваю я.

— Нет у нас баев. Клянусь, нет. Вот пойдем по юртам, попробуй найди бая.

И мой спутник, схватив меня за рукав, тащит в юрту.

В первой юрте чистый ковер, довольно много сундуков с медной и алюминиевой отделкой.

— Средняк.

В следующей юрте,—погрязнее, ковров нет, в углу почему-то овца. Над таганом — варево.

— Бедняк.

Так обошли добрую половину юрт. «Бедняк, средняк, бедняк, бедняк средняк, бедняк»... монотонно и торжественно показывал мой спутник. — Где бай? — торжествуя крикнул он наконец. — В какой сундук спрятался, скажи мне?

— Ладно, взмолился я, — пойдем в ту юрту, где все наши сидят.

— Бая нет, — резюмировал казак. — Его в Актюбинск сослали.

Кауфман сидел на ковре, растопылив ноги и пил кумыс.

— Мне надо много подвод, много возчиков, — говорил Кауфман. Вozить на Чаглинский совхоз камень, солому, глину.

— Да, да, — кивая головами в знак согласия, повторяли киргизы, сидящие вокруг Кауфмана на ковре.

— Мы это можем, — заявил один из них, видимо, аульный старшина. Как твое имя, анджинер? Каупман? Хорошо, я запишу в книжку. Он вынул из-за пазухи блок-нот и, записав, протянул нам.

— Так я записал?

«Видимо, он умеет писать по русски», — подумал я, но, к моему удивлению, фамилия производителя работ была записана не русскими буквами. Стенографических загогулинок арыби-арабского шрифта, — я также не увидел. Кочевник, еще не перешедший на земледелие, писал латинским шрифтом.

— Яналиф!.. — воскликнул я. — Вот здорово!

— Да, да, латин, — деловито ответил казак. — Учитель ездит в аул. Учит нас. Учимся.

7. Чаглы-Теныз

На Чаглинском совхозе в одно и то же время случается разная погода. Совхоз так велик, что на него нехватает дождевой тучи. На участке Киялы ливень, а на участке Сандык-Куль зной и пыль.

Совхоз обладает территорией в 6.000.000 гектаров земли, 102 тракторами и собственным морем. Это «море» — озеро Чаглы-Теныз. «Теныз» — по-казакски море. Море, правда, небольшое — верст двадцать в ширину и пресное. Там водятся щуки, караси и в камышах масса всякой птицы. А на юге совхоз граничит и с соленым «морем» — с громадным пустынным озером Кали-Бек, откуда ломают соль и камень.

Шестьсот тысяч десятин земли — цифра оглушающая. Однако нужно оговориться.

Петропавловский округ Казакстана должен выделить под будущие совхозы Зернотреста всего около 1.200.000 гектаров земли. Пока что выделено 600.000 в районе чаглинской степи и все эти земли административно объединены Чаглинским совхозом.

Это еще не окончательное деление земли. Возможно, что в будущем земли эти поделят между несколькими совхозами. В Петропавловском округе возможно будут существовать три или четыре совхоза. Чаглинский совхоз, как таковой, может быть останется при трехстах, четырехстах тысячах гектаров. Но даже и в таком случае совхоз едва ли будет иметь себе соперников по территории. Совхоз громаден. Отдельные участки отстоят на несколько десятков километров от центральной усадьбы.

Строительство на Чаглинском совхозе намечено

большое: оно обойдется в 816.000 рублей. Одни только мастерские с полным оборудованием — двигателями и подъемными кранами — будут стоить 260.000 рублей.

Сначала центральную усадьбу намечалось ставить над озером Таянчи. Жителям Акмолинской области это имя хорошо знакомо. Здесь с давних пор бывала сырьевая ярмарка. К озеру Таянчи съезжались киргизы со всех концов степи. Оборот ярмарки доходил до миллиона рублей. Ныне не только уничтожена здесь и перенесена на другое место Таянчинская ярмарка, но и само озеро решено ликвидировать. Существуют намерения перелить воду из озера Таянчи в озеро Сандык-куль, находящееся в четырех километрах поблизости. После этой операции уровень Сандык-куль поднимется на два метра. На Сандык-куль и строится центральная усадьба совхоза.

В начале лета строительство несколько задержалось. Производитель работ не сумел наладить заготовки строительных материалов — камня, соломы, глины, песку. Киргизы близлежащих аулов заломили слишком высокую цену, совхоз не смог сторговаться, упустил время и, в результате, начало работ на постройке глинолитных жилых домов запаздало на две недели. Возведение глинолитных зданий имеет свой срок, после которого работу, согласно технических правил, вести уже нельзя, ибо здания не успеют просохнуть к осени.

Запоздание начала работ грозило вылиться в крупную неприятность. Рабочие могли остаться на зиму без крова.

Совхоз забил тревогу. Омск услышал. И вот по степи, через немецкие колонии, украинские поселки и казакские аулы летит автомобиль.

Едут — известный своей энергией прораб Кауфман, специальный агент по снабжению, командированный из Омска, человек хорошо знакомый со степью и я, сотрудник печати, «корреспондент», человек, который должен в сто двадцать строк газетной заметки уложить восьмисоттысячное строительство со всеми его достоинствами и недостатками.

8. Два прораба

— Пишите, — сурово сказал мне прораб Кауфман, — пишите, почему затянулось строительство. Благодаря несвоевременному принятию мер к снабжению материалом, вот почему! Не было соломы и камня для цоколей. Нужно было во-время организовать в артели ближних киргизов и крестьян, использовать их транспорт, который есть налицо. Налицо! Налицо! Да!

Прораб номер два, прежний прораб, отвел меня в сторону.

— Не напишите лишнего — вяло сказал он. — Я делал, что было можно, но киргизы отказывались возить по нормальным ценам. Они заламывали за

перевозку песка на три—четыре километра шестьдесят рублей куб. Да! Шестьдесят рублей куб. За куб камня требовали двести пятьдесят рублей!

— Почему же я нанял их возить камень, за сто пятьдесят рублей куб? — прислушавшись, спросил новый прораб.

— Они сбавили цены. Срок тому вышел,—объяснил прораб старый.—И я бы их сейчас нанял за эту цену! А тогда они не хотели.

— Нет, вы ждали у моря погоды!—возразил прораб новый.—А мы вот с Пильменштейном два дня ездили по аулам и сумели собрать народ. К нам они пошли, а к вам нет! Я делаю так, что вокруг совхоза есть ярмарка подвод! Мы создали большое предложение труда и поэтому цена упала.

Прорабы бранились. Я сидел на бревне и думал:

— Кауфман, Кауфман, вы победили, потому что вы холерик. А ваш предшественник, бог ему прости, меланхолик. Разве можно быть меланхоликом в таком деле, как строительство зернофабрики в азиатской степи, населенной отсталой национальностью? Меланхолик, зная свой характер, должен бы был заранее отказаться от должности прораба...

— Пишите, — кричал Кауфман, — на стройке отсутствовала дисциплина, отсутствовало понимание одним человеком другого, как-будто бы строится не совхоз, а вавилонская башня. Да, да, вавилонская башня! Я не позволю здесь

строить Вавилонскую башню! Необходима дисциплина, а не Вавилон...

Как никак, а с приездом Кауфмана строительный участок над озером Сандык-куль преобразился до неузнаваемости. В несколько дней на берегу озера выросли горы материалов. Подвозка камня, камыша и соломы быстро наладилась.

— Для Пельмен-джалдас все возить будем, — говорили киргизы. — Пельмен-джалдас хороший начальник.

«Пельмен-бул», «Пельмен-джалдас» — так окрестили киргизы нового агента по снабжению тов. Пильменштейн.

Пильменштейн сумел предоставить в распоряжение совхоза свыше пятисот подвод за неделю. К нему шли работать и киргизы и крестьяне.

— Пельмен-бул, человек из Ом-бы (Омска) — признавались киргизы, — Каупман из Москеу (Москвы) человек, а оба как джюльбарсы (тигры) с озера Ак-Теныз.

— Быстрые очень оба, — поясняли они свою мысль — и... акча без задержки платят.

Глинолитка поползла ввысь под дружную хорошую песню деревенских девушек и баб, работающих ногами на утрамбовке. Ногами можно заработать рубль двадцать в день. «Степные балерины» — думал я, слушая хор трамбовальщиц.

Ревели верблюды и скрипели арбы. Новый прораб с часами в руках носился от одной постройке к другой, наводя порядок. Десятники и студенты-практиканты, как загипнотизированные, следовали за ним. Некоторые даже усвоили его манеру выражаться и жесты, при чем один, пожилой человек, пытаясь выкрикивать распоряжения также звонко, как Кауфман, неожиданно потерял голос, охрип и, в конце концов, вынужден был перейти на шопот.

Технический персонал был чрезвычайно доволен новым прорабом.

— Это прораб! С этим дело пойдет. Откуда он явился, такой горячий?

— Говорят, из Москвы.

— Нет, не из Москвы. С Украины.

Вечером прораб Кауфман сказал мне:

— Советская власть — это значит надо работать, работать и работать. Надо проявлять сильнейшую инициативу. Я лягу спать.

Смеркалось. Я пошел на Сандык-куль. Плоское зеленоватое озеро было совершенно спокойно. У берега стоял плот, сколоченный молодыми рабочими. Береговая полоса была испещрена следами коров и лошадей. Женщина вышла из камышевой хижины и, спустившись к озеру по скотской тропе, зачерпнула ведро мутной воды. В это время ко мне подошел один из студентов-практикантов.

— И воду пьют,—сказал он,—и белье полощат, и купаются, и чаны мочат, и скот поят. А Гидрострой не торопится ставить фильтры.

— Да, к осени, пожалуй, водичка станет дизентерийной.

— Конечно.

Перебрасываясь такими фразами, мы пошли вдоль берега. На мысу у кирпичного завода сидели девушки работницы в пестрых одеждах. Они пели тягучую украинскую песню. Когда мы подошли, они смолкли.

— Чо вы на нас смотрите?—наконец, спросила одна.

— Мы на вас не смотрим, мы песню слушать пришли.

— А! Ну, слушайте!

И девушки запели довольно непристойную частушку, которая, по их мнению, должна была нас удовлетворить.

— Стесняются — пояснил студент, — как только к ним подойдет чужой, сейчас же впадают в замешательство и начинают петь ерунду. Пойдемте есть ледяные щи. У нас кухня до сих пор не выстроена, тянут. Так мы щи стараемся сохранить в самом холодном виде, чтобы дольше не протухли. Гиперболически мы их называем «ледяными щами».

Наша трапеза была прервана в самом разгаре. Студент случайно взглянул в раскрытую дверь барака, бросил ложку и вскочил на ноги.

— Смотрите, пожар на степи!—крикнул он.

Мы выбежали из барака. За совхозом, в стороне от строящихся зернохранилищ, искрилось алое зарево.

— В степи, кроме совхозовских материалов ничего быть не может! Бежим!

Схватив какие-то длинные палки, мы ринулись в темноту. Сзади рявкнул автомобильный гудок.

— Постой, прыгай в машину,—крикнул нам шофер. Мы туда же едем.

Через несколько минут мы были на месте пожара. Горела большая куча стружек, вывезенных в степь на подветренную сторону от зернохранилищ. Кауфман со счастливым видом стоял около пожарища и тростью ворошил горящие стружки.

— Я не лег спать,—пояснил он толпе народа, сбежавшейся тушить пожар.— Я пошел сюда и поджог эти стружки. Ложная пожарная тревога. Надо проверять бдительность!

Тут Кауфман согнал с лица улыбку и заорал громко на всю степь:

— Товарищи, я заметил, что на постройке некоторые рабочие неосторожно обращаются с огнем. Я предупреждаю... Я...

Стружки пылали багровым пламенем,

9. Первые всходы

Под вечер следующего дня выяснилось, что на совхозе появился профессор.

— Где его можно найти? — спросил я у шоферов. Шоферы везде бывают и все знают.

— Подите, ищите, — посоветовал мне один из шоферов. — Борода у него белая, он прихрамывает, а в руках палка. По этим приметам его и найдете. Он либо на Селекты, либо на Таян-Чи либо на Киа-лы.

От Таян-чи до Киа-лы пятьдесят километров, от Киа-лы до Селекты — тридцать. Поди, поищи! Совхоз велик, действительно велик!

В конце концов оказалось, что я и профессор живем в одной и той же гессеновской палатке, только я в одном углу, а он в другом, отгороженном ширмой.

Профессор Омского сельскохозяйственного института Стальгане путешествовал по совхозам Казакстана, инструктируя студентов-практикантов и знакомясь вообще с постановкой дела.

Я поехал с профессором на участки.

Над степью громоздились гигантские грибы туч. Путь наш лежал на урочище Киа-лы, что за линией кокчетавской ветки. Через час мы достигли громадной бледножелтой камышевой впадины. Камыши тянулись бесконечной стеной вдоль дороги.

— Чаглы-Теныз, — объявил шофер. — Море с севера все в камыше. Чистовода и не увидишь.

Весной Чаглы выходило из берегов. Южный ветер нагнал пловучего льду к этому берегу и лед, поверх затопленного камыша, пошел на рыбачий поселок. Теперь Чаглы отступило назад, вошло в берега и успокоилось. А лет сорок назад озеро-море исчезло вовсе — воды ушли неизвестно куда и по высохшему дну поперек озера проходила дорога.

Степные озера до сих пор мало исследованы. Причина колебания их уровня все еще — тайна. Замечено, между прочим, что некоторые из горько-соленых озер киргизской степи становятся на несколько лет пресными, а пресные — солеными. То же самое иногда происходит и с колодцами.

Еще полчаса, и мы пересекли железнодорожную линию, идущую на Кокчетав с Петропавловска. Этой ныне скромной железной дороге предстоит славное будущее. Кокчетавскую линию знают лишь, как путь на курорт Боровое. Нет слов, Боровое — прекрасный курорт, но дальше на юг, за Акмолинск, лежат еще более привлекательные места.

Озеро Большой Теныз — самый северный в мире пункт распространения розовых фламинго.

Спасский медноплавильный завод.

Ряд угольных копей. Ряд горных массивов, богатых серебро-свинцовой, железной, медной рудами,

До революции в этих местах было немало иностранных концессионных предприятий по добыче руды.

Постройка дороги от Кокчетова на Акмолинск начата. Надо полагать, что дорога будет продолжена в степь и дальше Акмолинска.

— Ну, как там у вас в Сибири, — гордо спросил меня заместитель директора. — Сибирякам работать легко, на совхозах Омского округа все тракторы сплошь американские — «Интера» да «Ойль-Пули», да «Клетраки», а вот поработали бы сибиряки, как мы работаем, с тракторами отечественного производства! У нас из ста двух тракторов тридцать семь тракторов системы «Коммунар». Свои, советские!

— И что же?

— Да ничего. Не хуже других работают. Только трактористы мало подготовлены.

— Как и везде — вставил я.

— Именно. А «Коммунар» — вещь сложная, громоздкая. Ломают их часто. Сорок процентов в ремонте стоит. Но это еще вовсе не значит, что «Коммунар» — негодная машина.

— «Коммунар», как лев. Так и прет, так и прет и вид у него гордый, — заявил один из студентов-практикантов.

Мы стояли на дороге. По сторонам раскинулась пахота. Тракторы, переваливаясь и подрагивая, пе-

реходили через контрольную полосу, лемехи плугов с треском врезались в зеленую шкуру степи, пласты вздымались, как черные волны под серебряным форштевнем моторного судна...

В промежутке между пластами можно иногда заметить мертвых сусликов. Их режет плугами.

Профессор шагал по полю, а сзади следовал почетный эскорт — начальник участка, студенты-практиканты, свободные от дежурства трактористы.

Профессор находит, что брянские плуги непригодны в местных условиях. Отвал устроен так, что пласт не опрокидывается, а остается стоять торчком. При здешней сухости это плохо. Органические вещества не перегнивают, а попросту сгорают.

— Я всегда был против брянских. Профессор прав...

Это разговор в одной группе. В другой:

— Болтология! Присланы брянские, значит нужно ими и работать. Все бы вам американские. Нет, поработайте и русскими.

— Так ведь брянские приспособлены для мягких почв.

— Сегодня не понравятся советские тракторы — кричите, что «Коммунар» плох, завтра плугами недовольны...

— Чудак. Ты и пахай брянским плугом в России. А тут Казакстан. Здешняя степь требует винтового

или полувинтового плуга английского типа. Вот «Интера» хороши!

— Кто же говорит, что «Интера» плохи! Но не все же тебе «Интера», ты поработай брянскими.

— Тупица!

— Осел!

Я подхожу к агроному.

— Вы согласны с мнением профессора?

— Безусловно. Брянские плуги здесь негодны. А, что вы смеетесь? Разве кто не согласен? Ох, бузотеры! Патриоты брянские. Вы понимаете, этими людьми руководит патриотизм. Смешно!

Чаглинский совхоз нынче уже засеял пять тысяч гектаров пшеницей. Всходы в общем весьма неплохи. В этих степях мало кто сеял до сей поры. Но были здесь хутора смелых скваттеров, приходивших в степь снимать пенку с целины. Киргизы рассказывают, что над озером Селекты один украинец снимал урожай кубанки по сто шестьдесят пудов с десятины.

Над степью медленно ходили молочно-белые слоны туч на толстых ногах дождя. Их влажный след сулил урожай. Мы возвращались степной дорогой на центральную усадьбу. Кое-где дождь уже прошел. На дороге темнели лужи. Шофер, огибая их, вел машину травой и из травы вылетали испуганные большие птицы.

Автомобиль швыряло. Изловчась, я старался занести в блок-нот впечатления этого дня.

Как мы обедали на участке и трактористы жаловались на кооперацию, что петропавловские кооператоры нередко крупу посылают с галькой, а вместо макарон дают фруктовую воду.

Как нас пригласили в свою палатку казаки-трактористы и один из них в честь нас, гостей, играл на инструменте, напоминающем скрипку, казакские, татарские и русские песни.

Все эти мелочи обязательно надо было записать, чтобы они не ускользнули из памяти. Но о главном я помнил и без записи.

Главное — вот что:

Год, два, а, может быть, и три, целинные земли дадут хороший урожай. С этим согласны все — администраторы совхоза, профессор, скептики-крестьяне...

А дальше...

В дальнейшем потребуется упорная работа агротехников. Ставка на элементарное плодородие в этих степях возможна лишь несколько лет. А затем придется применять культурные методы. Почва быстро выветривается здесь в буранной и знойной степи.

«Условия работы здесь совершенно новые, — говорят специалисты, — условия эти не похожи ни на западно-европейские, ни на американские. Это — азиатские условия».

Травосеяние, севооборот, удобрение минеральными туками — здесь будет много работы. Совхозы — Зернотреста должны создать хлебородную землю там, где прежде бродили аулы кочевников, да горбили свои соломенные крыши редкие хутора рискованных хлеборобов — пенкоснимателей. Пенкосниматели — тоже кочевники своего рода.

1929

У РУДОНОСНЫХ БАРЬЕРОВ

1. Рабочий поезд

Рабочий поезд уходит со станции Боровое в конец укладки.

Кряж Кокчетау медленно оседает за северный горизонт. Железный путь идет через сосновые леса свежесрубленными просеками, длинными желтыми выемками в холмах, и, наконец, впереди открывается бурая неровная акмолинская степь.

— Теперь этот степ пошел до самого Туркестана — с неудовольствием поясняет мне тормозный кондуктор и, в знак презрения к степям, длинным плевром плюет на полотно.

Видимо, он не является поборником животноводства, этот кондуктор. Должно-быть, мы по-разному представляем себе эту страну. Я гляжу на нее как бы сверху, я представляю степь такой, какой она обычно изображается на географических картах, то-есть желтоватой плоскостью, испещренной пятнами, голубыми—пресных и фиолетовыми соле-

ных озер. Между голубыми и фиолетовыми пятнами выются черные полосы дорог, они спускаются с коричневых горных массивов, идут степью и выходят в зеленые лесостепные пространства Сибири. По скотопрогонным трактам Степного края проходят громадные гурты скота из Западного края, Семиречья...

Сырьевые ярмарки Таянчинская, Акмолинская, Атбасарская когда-то были знамениты. Некоторые из них имели миллионные обороты. Ныне эпоха ярмарок идет на закат — плановые заготовки скота опресняют романтику великих степных торжищ, но все же и посейчас поднимает тучи пыли над скотопрогонными трактами скот, сам несущий на городские бойни свое жирное тяжелое мясо.

Я изучал карты, толковал с экономистами, рылся в цифрах для того, чтобы понять истинное значение этого древнего рубежа, где зеленая лесостепь Сибири переходит в щетинистую сухую поверхность киргизской складчатой страны. Полярные ветры тундр сшибаются здесь со знойными туркестанскими вихрями, зимой при сорокаградусном морозе здесь мерзнут на лету воробьи, а летом на озере Большой Тениз прилетают розовые фламинго для того, чтобы гнездиться на островах, окруженных соленым и вязким илом бад-пак и недоступных для человека.

Петропавловск-Акмолинский — исходная точка

моего путешествия в степь — самый северный пункт в Азии, в котором до сих пор сохранилось воспоминание о караван-сарае. Караван-сараям петропавловские сторожилы называют старинное здание менового двора. Двери этого здания, подобно крепостным воротам, отворяются только внутрь. У этих дверей когда-то кончался караванный путь из Туркестана в Сибирь.

Теперь со стороны Петропавловска в азиатскую степь врезается железный путь, тот, по которому мы едем.

Степной город Акмолинск захлебывается избыточным зерном. Надо помочь Акмолинску выбросить свои избытки на магистраль. Весной предполагали, что дорога подойдет к Акмолинску в декабре месяце. Но линейный съезд союза строителей постановил закончить укладку на месяц раньше — к Октябрьской годовщине. Доведя укладку до Акмолинска, железнодорожники освободят десятки тысяч гужевых подвод и сотни полторы автомобилей, занятых сейчас переброской хлеба из Акмолы и завозом в Акмолы промышленных товаров. За год железная дорога пропустит свыше десяти тысяч вагонов.

Весной строители поведут путь дальше на юг, чтоб приобщить к миру Карагандинский каменноугольный бассейн. Кара-Ганды до революции, в первобытных условиях разработки, давали около 30 миллионов пудов каменного угля. Запасы Ка-

ра-Гандов громадны. Правление Омской железной дороги полагает, что если карагадинский уголь окажется качеством не хуже кузнецкого, дороги Западной Сибири и Урала перейдут целиком на снабжение этим углем.

Здесь железная дорога подойдет к минеральному барьеру, пересекающему степной край.

Медноплавильный Спасский завод, находящийся южнее Акмолинска, плавя медную руду Успенского рудника на карагандинском угле, давал в год до 400.000 пудов чистой меди. Это было до революции. Местные руды-борниты по содержанию меди (около 70%) считались богатейшими в России. Предприниматели находили смысл вывозить медь на верблюдах в Петропавловск за 750 километров и брали немалую прибыль.

Паровозный гудок разбудит немало спящих рудников и шахт. Сколько предприятий стоят здесь на консервации со времен государственного переворота! Сколько богатств еще не открыто! Железная дорога ведет к ним.

2. Каша с камешком

На первую платформу нашего поезда погружены рельсы, на вторую—профсоюзники с балалайками, на третью—шпалы, а на четвертую—бабы.

Бабы заняли платформу еще с ночи. Дежурный по станции напрасно метался вдоль состава, упрямившая баб сойти хотя бы на время маневров.

— Состав же маневрируют, он же дергается! — кричал дежурный, — поймите, толчки бывают. Вы ссышетесь под колеса, а мы отвечаем!

— Мы рабочие жены. Мы к мужьям едем! — визжали женщины. Никуда мы не пойдем! Чо ты нас гонишь? Мы жаловаться будем, чтоб тебя выгнали по чистке аппарата.

— Гепеу позову.

Но рабочие жены не боятся ГПУ так же, как не боятся паровоза, ночного холода, весьма ощутительного здесь в континентальных степях Казакстана, сырой воды, которую им придется пить на укладке и поить ею детей. Рабочие жены едут к мужьям на укладку и никакие препятствия не могут остановить их.

Так на всех новостройках. В прошлом году на Турксибе одна храбрая женщина, супруга кладовщика, заехала со всем своим домашним скрабом, в том числе гардеробом и фикусом, на кромку раскаленных песков Прибалхашья. Она приехала поздно — муж день назад ушел с караваном в пустыню. Путешественница сидела на склоне дюны у поваленного гардероба и плакала. Фикус увядал под знойными лучами балхашского солнца. Рабочие хохотали, инженеры сердились.

Здесь на акмолинской новостройке творится приблизительно то же самое. Рабочие поезда отходят, обвешенные гроздьями цепких женщин, и горе тому кондуктору, который осмелится ссажи-

вать путешественницу, охваченную первобытной тоской по мужу. Борода кондуктора останется на полотне вместе с ссаженной пассажиркой.

Профсоюзники едут на укладку провести митинг и спектакль. Их балалайки мало импонируют рабочим.

— Вот погодите, приедете на укладку, мы вас в работу возьмем, — кричит с вагонной крыши человек в черном буржуазном котелке, но полуголый до пояса и в лаптях. — Мы вам покажем музыку с пением.

— Так мы-ж для вас спектакль устраивать будем, — кричит в ответ профработника. — Чего ты волнуешься?

Человек в котелке смягчается.

— Спектакль? Для нас?

— Ну, да!

— А где?

— На укладке.

— И танцы будут. Ладно, запиши в программу мой номер — трепак. Цыганчук исполнит трепака в пользу узников капитала!

И человек в котелке, в доказательство серьезности своих намерений начинает отплясывать по колеблющейся крыше вагона.

На остановке ко мне подходят двое. Кочегар и рабочий.

— Вы корреспондент?

— Да.

— А как вы описываете? Только хорошее или и дурное? Критику на администрацию написать можете? Вот напишите, пожалуйста, что «Поспо» — петропавловская кооперация — дает нам крупу с камешками и кашу приходится глотать поэтому не жуя, а оттого получается вред с медицинской точки зрения, то-есть расстройство кишек. Опишите, что кухня на укладе мала, кипятильников не хватает.

— Хорошо, опишу!

— Ладно. А на рабочком вы тоже написать критику можете? — спрашивает кочегар с сомнением. — Если можете, то опишите и такой факт из жизни нашего рабочкома. Председатель рабочкома нашего, — психический человек, — уволил одного рабочего за то, что он хитростью вместо одной порции каши, три слопал. Будете в конторе — попросите, чтобы бумажку вам показали, где рабочком Зяблинцев пишет заву укладкой: «Вы произведите расчет рабочего Лыкина за сознательное взятие каши на трех и употребление ее одним. Факт тот установлен и даже сам Лыкин его не отрицает. Подписуюсь — председатель рабочкома». Вчера его уволили, Лыкина.

— Не может быть!

— Ей-богу! Администрация не соглашалась, а рабочком через общее собрание постановление

провел — таинственно, по-заговорщицки шепчет кочегар. — Вот какие у нас порядки, товарищ.

Над концом укладки плывет серая тяжелая пыль — наносы тысячелетий. Рабочий поезд замедляет ход. По обоим сторонам насыпи тянутся лагеря землекопов — вот пестрая, похожая на цыганский табор, стоянка киевских грабарей, рядом юрты киргизской рабочей артели, еще дальше расположились миассцы.

Поезд останавливается. Шпалы и рельсы летят с платформ на насыпь. Затем состав пятится, рабочие грузят рельсы на вагонетки и конной тягой подают их в конец укладки. Шпалы разложены, рельсы растянуты, костыли забиты и путь готов. По нему идет новая партия рельсов, и за день железная дорога отвоевала еще два с половиной километра.

На укладке занято двести рабочих. Живут они в длинном составе города поезда, куда входят жилые вагоны, вагон-контора, вагон-клуб, вагон-лавка, вагон-амбулатория. Поздно вечером, когда работа кончается и постройщики разбредаются по своим домам-вагонам, к составу приближается паровоз-толкач и городок на колесах медленно плывет вперед по завоеванной степи.

Ночь. Рабочие жены обрели своих мужей, в вагоне-клубе заканчивается спектакль, звенит му-

зыка, и обладатель щегольского котелка Цыганчук отплясывает свой танец, а в это время на север, в сторону Борового, по насыпи идет одинокий человек с узелком за плечами. Это обжорливый рабочий Лыкин. Он идет, спотыкаясь о свежие шпалы, уложенные, быть может, его же собственными руками.

— Рабочком Зяблинцев, попадись мне в темном переулке! Я тебе припомню кашу. Я наделаю из тебя котлет!

3. Потомки завоевателей

Весело живут люди в Щучьей станице у подножия голубого массива Кокчетавских гор.

Батьки дома нэмае,
У шинкарки гуляе.

Лампасы его штанов и околыш его фуражки бледнорыжие и блеклые, словно степная трава в июле. Он, пошатываясь, вышел из мрачной, бревенчатой, похожей на блокгауз, избы.

— Иногородний, — кричит он. Што-ж ты не стреляешь? Ты ж видишь орла. Посмотри, над Синюхой кружит. А головы-то у него две.

— В глазах у тебя двоится!

— Нет! То не простой орел. Государственный, о двух головах. Верно, верно, блистанья корон не приметно, короны-то спали. Коммунист приезжий, дай мне свой револьвер для скорострельной стрельбы. Пойдем на орла охотиться. Зачем из Китая ле-

тает, станичников смущает? Мы не контры, не гидры, мы не...

Пьяные казаки мне достаточно надоели. Потомки завоевателей края, упившись, затевают драки с курортниками и железнодорожниками. Станичная молодежь, по примеру старших, пьет и скандалит под каждый революционный и церковный праздник.

Казаки появились в этих степях в начале прошлого века.

Первого казачьего имени Ермака Тимофеева полка подполковник Набоков явился в степь со своим отрядом, следуя высочайшему повелению произвести описание степей и разыскание рудных богатств Кечке-Тау. «Память об этом славном и лихом командире, — пишет казачий летописец генерал Катанаев — долго жила в киргизском народе. Он наводил панический на киргиз страх, при одном его имени все замирало в степи».

Степь не далась русским без боя. Почти полвека казакам пришлось вести борьбу не только с мятежными каргизскими волостями, но и с кокандцами, не раз появлявшимися на помощь киргизам. Кокандское ханство, на которое русские нажимали с запада, видимо, пыталось взять реванш на востоке, посылая своих воинов на границу Сибири. Кокандцы появились на реке Сары-Су, и даже в горах Улу-Тау. Казачьим отрядам ежегодно приходилось выходить в степь для рассеяния мятежных

скопищ. Сражаться с киргизами и кокандцами, конечно, было бы не особенно трудно — гарнизоны глиняных укреплений сдавались после одного ору-
дийного выстрела, казаки разрушали эти крепости и возвращались из карательных экспедиций, везя с собой более или менее ценные азиатские трофеи — знамена, медные трубы, утварь. Иногда удавалось захватить караваны верблюдов с продовольствием.

В двадцатых годах прошлого века против русских выступил мятежный султан Кенесары Касимов, до сих пор чтимый киргизами, как народный герой. Касимов был реформатор и, несомненно, большой военный талант партизанского типа. Прежде всего Касимов устроил гражданскую войну среди киргизов. Кенесары Касимов принялся за уничтожение миролюбивых султанов, принявших русское подданство. Налетая на аулы, признавшие русскую власть, Кенесары резал султанов, а слышав о приближении казачьих отрядов, идущих на помощь новым верноподданным, быстро скрывался. Благодаря такому маневру степь сочла Кенесары непобедимым и охотно пошла к нему под знамена. Конечной целью восстания султана Кенесары Касимова было объединить киргизов, не признающих власти Ак-Паши — белого царя, и, отко-
чав с ними в недоступные степи, образовать независимое ханство. — Возможно, что это и удалось бы Касимову — в пустынных областях Казак-

стана, к западу от Балхаша до сих пор живут тюркские племена, не подчиняющиеся, в сущности, никакой власти. До сих пор в этих краях на картах белеют обширные пятна неисследованных областей. В прошлом году на юге Казакстана был открыт новый, не помеченный на картах горный хребет, возле которого обитает воинственное племя—арганы. Однако, война, как азартная игра, вскоре увлекла Касимова и он, оставив прежние планы, откочевал в недоступную степь, решил начать наступательное движение против русских. В 1827 г. Касимов напал на торговый караван, шедший из Петропавловска в Ташкент под охраной полусотни казаков. Сражение длилось трое суток, русские потеряли человек двадцать пять убитыми и двадцать ранеными. По тогдашней войне это было много.

Вскоре после того Касимов осадил акмолинское и актавское укрепления, и тогда правительство бросило против мятежного султана значительные отряды казаков. Кенесары вынужден был бежать в Оренбургскую степь. Партизанское движение пошло на убыль и вскоре вовсе прекратилось.

Казаки, заселившие край, никогда не отличались зажиточностью и хозяйственностью. Причиной тому было их военное положение и после того, как край был замирен. До начала двадцатого века главным занятием казаков были скотоводство, рыболовство, охота. Земледелие прививалось мед-

ленно, хотя в распоряжении казаков всегда была дешевая рабочая сила — джетаки — киргизы-работники. Обязательность военной службы для всех и за свой счет накладывала на быт казаков своеобразный походный отпечаток. Внешний вид казачьих станиц непривлекателен и угрюм.

С советской властью казаки, как известно, не ладили. Многие погибли в гражданской войне, многие ушли в Китай, многие были убиты во время восстаний. Во время петропавловского восстания, когда зажиточные крестьяне превозгласили лозунг: «Да здравствует советская власть, долой коммунистов», немало казаков полегло на степи, защищая эту сверхъестественную форму правления. Буйный драчливый народ откликался на каждый выстрел. Казачьи станицы поредели за эти годы.

Поредели, но не настолько, чтобы перестать быть станицами. Наряду с сельсоветами в Кокчетави существует немало стансоветов.

Секретарь одного такого стансовета самым серьезнейшим образом уверял меня, что сословные черты казачества совершенно сгладились, он уверял меня в этом, ничуть не смущаясь тем, что напротив стансовета сидел шапочник, выделявающий новые картузы с казачьими кантами. Секретарь уверял меня, что казаки переходят на культурные формы хозяйства, хотя нам обоим было прекрасно известно, что станичники живут тем, что сдают на лето углы дачникам.

Я вежливо слушал. Секретарь стансовета, говоря свою речь, желал добра станичникам. Я тоже желал им добра. Я знал, что военно-полевая психология, вырабатываемая из поколения в поколение, не может исчезнуть за несколько лет. Вечером, идя из стансовета, я ласково перешагнул через пьяное тело, храпящее посреди дороги. Я знал, что наследственные качества не так то легко устранить.

Но, странно, — у киргизов с казаками самые дружеские отношения. Эта дружба, замешанная на крови, это родство, происходящее от насилия — немало киргизских девушек полонили казаки — необъятно крепки.

— Наши киргизы—первые киргизы в Казакстане,—рассказывал мне один старый казак. — Ты подумай, сбросили малахаи, носят кепки, очки, а пьют не как-нибудь, а по ермански.

Под ерманским письмом казак имел в виду не что иное, как латинизированный шрифт-яналиф, на который переходят тюркские национальности СССР.

4. Границы стерты

Из Кокчетавья я на автомобиле возвращаюсь в Омск, бывшую столицу Степного края, а ныне сибирский окружной город.

В Омск я попадаю во-время.

Здесь делают прошлое.

С курьерским поездом сюда прибыли два москвича. Представитель Казакстана прилетел из Алма-Ата на самолете. Спешно явился уполномоченный из Новосибирска.

Прошрое хранилось в подвале. Прошрое грызли мыши и сосала холодная сырость. Иногда прошрое предъявляло меморандумы. Из пыльного лабиринта подвала выходили на белый свет напоминания о забытых золотых приисках на Алтае, протоколы жандармских допросов, проливающие новый свет на личность вождя сибирских сепаратистов Потанина, заявления, направленные в колчаковскую контр-разведку видными и ныне всеми уважаемыми парработниками. Но, в общем, в архиве царил хаос. Интересы разных племен и народов перепутывались здесь в сложный клубок. Распутывать его и приехали представители Сибири, Москвы, Казакстана.

Казакстанская столица Алма-Ата решила обзавестись собственным архивом. Бывшая столица Степного края Омск — город, имевший на гербе своем мечеть и полумесяц, прикрытые золоченым колпаком императорской короны, — не захотел отдавать премудрой колониальной писанины генерал-губернаторства. Предстояло делить прошрое между Омском и Алма-Атой. И дележ начался.

Архивы походной канцелярии генерала Киндерман, генерал-поручика Веймарн и бригадира Крафт — материалы, касающиеся не только киргиз-

кайсаков, но и калмыков, и якутов, и ойротцев, оставили Омску. Дела канцелярии пограничного начальника, дела областного управления сибирскими киргизами — торжественно передали Алма-Ата. Будущим летом эти и другие фолианты восемнадцатого века поедут в Алма-Ата по новой Туркестано-Сибирской железной дороге.

В то время, как в подвале Дома Советов одни люди, горячася, делили прошлое, на четвертом этаже другого дома, в другом конце города, несколько человек спокойно и уверенно создавали будущее. В управлении Омской железной дороги распределялись восемнадцатимиллионные капиталовложения пятилетки.

После революции большинство крупных зданий города Омска в корне изменили свое старое назначение. Генерал-губернаторский дворец, например, превратился в краевой музей, и чучела многих хищных пернатых воцарились на тех стенах, где когда-то единовластвовал двуглавый орел империи; в архиерейском доме расположилось ГПУ, в универсальном магазине купца Ганщина находится ныне медицинский институт; кадетский корпус превратился в школу красных командиров, питомцы которых, может быть, уже сразились со старыми воспитанниками корпуса на сопках Манчжурии. И, кажется, лишь одно большое здание города Омска

не переменяло своего назначения — это здание управления железной дороги.

Итак, железнодорожники распределяли капиталовложения в дорожное строительство ближайших лет. Речь шла, главным образом, о том же Казакстане. Семьсот пятьдесят километров Туркестано-Сибирской достраивающейся железной дороги, расстояние от Семипалатинска до станции Биже за Балхашем, поступали в ведение Омской дороги. Обсуждались постройка ветки Кулунда — Рубцовка — Риддерский рудник, постройка зерновозной ветки на юге Омского округа, при чем обе дороги имели выход на Казакстан. Обсуждался проект соединения Павлодара с Акмолинском. Готовились к приему в эксплуатацию линии Боровое — Акмолинск — Караганды. Впрочем, нет нужды перечислять названия всех новостроек — достаточно сказать, что вся северо-восточная половина Казакской республики, разбиваемая на стальные прямоугольники железнодорожных путей, просилась в руки сибирского администратора, называемого управлением Омской железной дороги.

Кончался день. На громадный плоский Омск медленно опускалась пыль, поднятая за день к небу ломами, автомобилями. Спокойный зеленый Иртыш казался гигантским озером, в котором отражались тысячи огней — города, вокзала, пристаней, заречного аэродрома. Омск, когда-то крепость, вы-

строенная для защиты границы от набегов воровских киргиз-кайсаков, а ныне мощный транспортный узел, засыпал. Прошлое было поделено, будущее предрешено.

На утро через Омск прогремят поезда Рига — Манчжурия и Манчжурия — Рига. Над Омском прогудят почтовые «фокеры» и опустятся за рекой на аэродроме. Придет пароход с Нор-Зайсана, с верховья Иртыша, почти-что с китайской границы. И другой — с низовья Оби, из-за полярного круга. Приедет киргиз на верблюде—верст за триста предпринял он путь, чтобы купить в омском Акорте мануфактуры, чаю, конфет. Обширнейшие степные пространства Казакстана экономически тяготеют к Омску.

А город будет делать свое дело. Заводы сельскохозяйственных машин выбросят очередную тысячу плугов и лобогреек для Сибири, Казакстана, Урала. Мясохладобойня напьется кровью очередного стада быков, — сибирских ли, казакских ли, — мясозаготовители ведают, каких... В вузах, техникумах и рабфаках будут слушать очередную лекцию сотни студентов—сибиряков-великороссов, сибиряков-тюрков, сибиряков-метисов. Прошлое поделено, будущее предрешено. И границы Сибири и Казакстана кажутся такими же фактически несуществующими, как рвы и валы старой омской крепости.

1929

ГРУБЫЙ КОРМ

ИЛИ ОСЕННЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕКЕ ИРТЫШУ

1. Грубый корм

Хусид, грустный и вежливый, вероятно, до сих пор не может простить мне легкомысленного отношения к его цикорию. Хусид четыре раза становился мне поперек дороги—в коридоре редакции, у автобусной стоянки, на бульваре и еще где-то на улице.

— Цикорий, — деликатно, но настойчиво повторял грузин, — цикорий необходимо выращивать в большом количестве! Плантации цикория под Омском, несомненно, заслуживают общественного внимания. Пора покончить с импортом! Крестьяне могут попутно с картошкой выращивать на своих полях и цикорий. Это не менее выгодно и полезно.

— Напишите статью! — кричал я и устремлялся прочь от Хусида.

Хусид бежал за мной, размахивая документами.

— Москва одобряет мои планы! Профессор Попов из Сибкадамии одобряет мои планы!..

— До свиданья! — вопил я. — Пишите статью!

— Окрзу не поддерживает моих планов! — доносилось мне вслед. Я писал проект, оно его потеряло. Варракса!

Культурник Хусид, грустный и вежливый, не мог понять одного: в те дни широкая общественность интересовалась не цикорием, но простым сеном. И окрзу, и редакция истерически отмахивались от цикорийных проектов, ибо злобою дня был не цикорий, а кризис грубых кормов. До цикория ли было, когда неурожай кормовых трав поразил весь юг Сибири!

Дни проходили под знаком шторма и близкого снега. И когда осенний Иртыш гнал крупную волну в бурое горло Оми, когда речные берега обросли баррикадами, сложенными из мешков с зерном и прессованного сена, я в последний раз встретил Хусида. Культурник грустно возвращался на свою цикорийную плантацию близ станции Ново-Омск. Улыбнувшись, я представил себе, как грузин выйдет на берег в Куломзино, пересечет железнодорожную линию, пройдет мимо громадного пятиэтажного с высокой вышкой, похожего на средневековый замок, терминального элеватора и выйдет навстречу ветру в плоскую бурую степь, где на двух гектарах земли приютилась его плантация.

2. Замыслы коммунара Сало

Иртыш хмур и темен. Холодные конусообразные рыла бакенов тупо глядятся в его тяжелое зеркало. Медленно огибая пепельные горбы отмелей, хрипло посвистывая у перекатов, пароход врзается в ночь.

Слева маячит темная круча берегового обрыва. По этому обрыву шли когда-то завоеватели и первые засельщики Прииртышья — казаки. До сих пор над обрывом висят погнувшиеся плетеные тыны, — ветхие тылы станиц.

Социалистическая перестройка хозяйства сметет эти ветхие тылы. Социалистическая перестройка идет той же дорогой вдоль речных берегов. Если взять карту Омского округа, можно увидеть, что всевозможные коммуны, товарищества, артели, совхозы лепятся близ реки. Только гигантские зернофабрики смело врзаются в глубь степей, — им, обладающим сотнями тракторов и автомашин, не страшны степные расстояния и степное безводье.

Крестьянские коммуны жмутся поближе к пристаням. И с реки ночью видно, как мерцают их далеко не электрические огни, там, в логах за свистящими тальниками низин.

Следующая остановка — Романтеева пристань. Говорят, что сам Романтеев, старый сибирский фермер, былой хозяин этих мест, экспортер хлеба за границу, торгует сейчас молоком из бутылки в

обжорном ряду куломзинского базара. Название пристани — вот все, что осталось от романтеевского величия. Ходят слухи, что и этому невинному занятию бывшего фермера скоро положит конец непримиримый украинец Сало, коммунар.

Человек по имени Сало, энтузиаст, быть может, вовсе и не знает, что некто Романтеев, бывший экспортер хлеба торгует молоком из бутылки на куломзинском базаре. Коммунар Сало желает получить монополию на городском молочном рынке. И только.

Единоличное хозяйство все больше и больше хиреет здесь в Прииртышьи. Даже консервативные жители казачьих станиц не выдерживают — подают десятки заявлений в ближайшие коммуны с просьбой принять в члены. В коммуну сливаются почти что целые районы. Среди крестьян выявляются упорные люди — народные вожди районных масштабов, люди, которые стиснув зубы, преодолевая все препятствия, переустраивают крестьянский быт, ломают его беспощадно. Я лично не знаю украинца Сало, но, по отзывам, он принадлежит именно к этой категории людей.

Впрочем, буду говорить не о нем, а о коммуне, председателем которой он является.

В одной из глубинных пунктов Омского округа, в Павлоградском районе в 1924 г. организовалась маленькая артель бедняков. Кусок неудобной зем-

ли, один старый трактор и острая ненависть соседей — вот все, чем пользовались коммунары. Местный кулак с тонким издевательством нанимал коммунаров и пахать и молотить. То было в 1924 году, когда кулаки чувствовали себя еще довольно устойчиво, а коммунары, наоборот, весьма одиноко. Трактористу единственного артельного трактора не особенно нравилось работать на кулака, но нужно было хоть немного обеспечить материальное благополучие коммуны — и пахали...

Кончилось тем, что коммунары решили перебраться на другой участок, за Иртыш, подальше от родимой деревни. Сборы не были долги. Артель переселилась под Ачаир. Там и обосновались, перейдя на устав коммуны и назвав свою коммуну «Украинский Пролетарий».

Настал 1929 год. Коммуна окрепла. Четыре трактора, семьдесят молочных коров, сорок лошадей, земельная площадь в 2.160 гектаров — вот чем владеют сто девяносто коммунаров. Кроме того, коммуна обладает весьма интересными и поучительными документами в форме писем. Это—письма прежних односельчан, оставшихся в Павлоградском районе.

Письма можно вставить в рамку и демонстрировать вместе с диаграммами и плакатами на выставках, посвященных коллективизации сельского хозяйства.

Письма гласят;

«Доходят до нас сведения, дорогие товарищи, что вы, переселясь от нас под Ачаир, сильно окрепли, и коммуна ваша процветает. Еще добавим: — нельзя ли и нас принять в ваши члены. С почтением, бывшие ваши односельчане такие-то».

Просятся в коммуны даже те люди, которые в свое время всячески вредили коммуне.

Коммуна рада новым людям. Но только не тем, которые остались где-то там, за сто верст, на старом пепелище, а тем, что живут рядом. Бывшие соседи, если им так захотелось коллективизировать свое хозяйство, могут организовать свой новый колхоз. «Украинский Пролетарий» будет расти за счет не бывших своих, но настоящих соседей. В свой коллектив «Украинский Пролетарий» волеет окружающее население, чьи земли можно легко свести к одному клину.

Вокруг «Украинского Пролетария» расположен целый ряд колхозов, артелей, поселков и хуторов. Их-то и хочет объединить коммуна.

Коммунары замышляют не только гнать зерно. Для этого есть зернофабрики. Расчет делается еще и на животноводство, птицеводство, огородничество. В самом деле, в сорока верстах от коммуны лежит громадный рынок сбыта — Омск с его двухсоттысячным населением. Почему бы не создать такое молочное хозяйство, чтобы городская кооперация всецело зависела от коммуны? Вот дерз-

кий империалистический план, рожденный в полынной степи под иртышским берегом. Городской рынок, как ни изощряется Окрторг, как ни рекламируют овощную диету профессора местных вузов,— все же сидит без картошки, моркови и помидоров. ЦРК никак не может наладить снабжение города овощами. Почему бы коммуне не выступить в роли всегородского огородничества? Момент самый подходящий.

— Товарищи, в единении сила—говорит упорный украинец Сало, ломающий крестьянский быт. — Вы, колхозники, единоличники, хуторяне, вступайте в нашу коммуну! Когда наша территория достигает двадцати пяти тысяч гектаров и мы введем правильный севооборот, Омск сам подтянет к нам шоссейные дороги, чтобы хлеб, молоко, овощи нашей коммуны неслись в автомобильных кузовах в широко открытый жаждущий и алчущий городской рот...

Стоп! Украинец Сало, может быть, думает вовсе не теми образами и метафорами, какие я пишу здесь. Может быть, этот практик думает исключительно цифрами. Какая разница? Число так же передает все оттенки смысла, как и слово.

3. Спаситель коров

Великий стог сена растет, словно Хеопсова пирамида. Эта пирамида не более не менее, как памятник человеческому гению в засушливый год,

Зимой эту пирамиду сожрут коровы. Приятного аппетита, коровы! Да пойдет вам впрок сено, съеденное под контролем и руководством ответработников молочной кооперации на территории социалистического сектора сельского хозяйства!

Спаситель коров, рослый человек в аккуратном сером костюме глядит на меня сквозь роговые очки. Длинным пальцем спаситель коров указывает на белую стену своего кабинета. Там висит карта округа, утыканная флажками на булавках.

— Коммуны создают молочный комбинат,—медленно шевеля напряженным вытянутым пальцем, говорит спаситель коров. — Да! Но прежде всего им надо создать животноводческую базу. Поэтому с оголтелыми мясозаготовителями должна быть объявлена решительная борьба. Ситуация не отмечается сложностью! Крестьяне-единоличники продают скот. Что побуждает их это делать? Преимущественно скот продают зажиточные, пытаются спрятать таким образом внешние экономические показатели своей зажиточности. Частично продает и беднота по причине недорода хлеба и кормов в некоторых районах. Цены на скот пали. Мясозаготовители выются вокруг стада, как шакалы. Для того, чтобы сохранить молочное стадо округа, для того, чтобы молочное хозяйство осталось на должной высоте, необходимо скупить молочный скот, не дать ему уйти на убой, разместить его по колхо-

зам и совхозам. Этой осенью колхозы должны принять 32.000 голов скота и совхозы 9.000 голов. Размещен этот скот на зимнее время должен быть по временным утепленным скотным дворам. Конечно, дворов не хватит, но есть кирпичные сараи, амбары... Чтобы прокормить скот необходимо заготовить достаточное количество сильного и грубого корма. Сильный корм—жмых и отруби—мы получим, грубый корм — сено, должны заготовить. На заготовку сена должна быть мобилизована вся сельская общественность. Ни одного нескошенного луга!

Распоряжение отдано. И «на местах», в рыжей степи на казакской границе, в тарском урмане, у станций и на пристанях началась заготовительная свистопляска. В город Омск, в коровью Чеку, — в чрезвычайную комиссию по заготовке грубого корма и сохранению молочного скота, летят телеграммы, жалобы, донесения...

— Мясозаготовители скупают нетелей, убеждая крестьян, что это еще не молочный скот. Просим принять меры...

— Союзхлеб учиняет ажиотаж и конкуренцию, нарушая твердые цены установленные краем. Крестьяне продают сено лишь Союзхлебу, потому что он платит на три копейки дороже. Мы, остальные заготовители, остались без сена. Союзхлеб — к прокурору!

— Пароходство не даёт барж. Пароходство к ответу. Где проволока и сенопрессы? Прекращаем заготовку в случае неполучения сенопрессов.

Великий стог сена растёт, но не так быстро, как этого-бы хотелось. И спаситель коров, председатель ч. к. по заготовке кормов и сохранению молочного стада, мечется по своему кабинету, грозный словно сам Апис. Сена!

4. Беседы на зерне

Дни проходят под знаком шторма. В будущем году начнут работу мощные зернофабрики, молочные комбинаты. Новые железные дороги свяжут хозяйства социалистического сектора с городом. Но пока что все это приятное будущее.

Надо пережить тяжёлую осень и зиму. Наступила самая горячая пора хлебозаготовок. В деревнях совещания бедноты напирают на кулаков, заставляя их сдавать хлеб государству. Колхозсоюз требует коммунаров, чтобы они не задерживали вывоз хлеба на пристани. В прошлом году из-за вялости заготовителей горы хлеба остались на пристанях после конца навигации — Иртыш нелюбезно замерз, не дождавшись конца погрузки хлеба на пароходы.

Пароходы, позабыв о всяких расписаниях, ошалело мечутся по реке, причаливая к обрывам, где в третичных отложениях яра выдолблены пещеры Коопхлебов и Союзхлебов, где мешки серыми

упругими горами высятся над прибрежными тальниками. Рокот моторов плывет по лугам, желтые песчаные дороги Прииртышья трамбуются тяжелыми грузовиками. На переброску хлеба из коммун на пристани сняты даже нарядные автобусы «АМО» с городских линий, поэтому в городе у автобусных остановок всегда толпа, очередь, драка и карманное воровство.

Эlegantное трюмо отражает упругие бока мешков и нас, сидящих и лежащих в самых разнообразных позах на этих мешках.

В трюмо отражены: сельская прелестница, охотник, обвешанный утками, киргиз, цыган, спекулянт, извлекающий бесконечное количество яиц и помидоров из карманов своего пиджака... В трюмо видно, как мы, человечество, ползем по зерну, задевая головою о черные железные бимсы. Мы все сосредоточены под потолком. Зерно вытеснило нас. Общая каюта парохода наполнена хлебом, и лишь поверх хлеба брошены мы, пассажиры. Пароход был дачным (перед зеркалом дачницы накрашивали себе губы), но теперь он переброшен на хлебозаготовки и честно таскает пять тысяч пудов в рейс.

Зеленый студень осеннего Иртыша скользит мимо запотевшего иллюминатора. По бесконечному конвейеру плоского побережья плывут совхозы, коммуны, сельскохозяйственные артели, мо-

лочные товарищества. А у нас в трюме идет нескончаемый разговор. О чем? «Все великие вещи, как одна — женщины, лошади, любовь, война»... Главным образом война. Все возвращаются из деревни в город, многие неделями не видели газет, и потому китайские события кажутся значительней и тревожнее, ибо последняя информация исходила не из газет, а от панических деревенских паломников.

Компания сезонных рабочих коммуны имени Сталина едет в город с определенным желанием вступить добровольцами в Красную армию.

— Я уж давно заявление заготовил китайцев бить,—говорит один. Вот, в кармане лежит. Но только председатель коммуны меня очень просил обождать: «погоди, Петя, успеешь еще на войну уйти, закончъ обмолот, не срывай нам кампаний!»

— Я что ж. Я готов и обождать,—говорит Петя,— всегда успею уйти в армию бить буржуев и давить кулаков.

Ребята все боевые. Один из Ачинска, другой из Одессы, третий из Перми. Рассуждают о достоинствах города Омска — «самого сытого по всей Республике».

Часто повторяют:

— Мы, коммунары!..

Рядом со мной лежит высокий загорелый парень в армейской зеленой фуражке и потертом френче.

Ему чем-то не нравится веселая компания сельскохозяйственных рабочих.

— Какие вы коммунары! — откликается он — в армию вам надо, вот куда. Бражка — вы!

— Правильно! В армию! — соглашается бражка. — Мы ж туда и едем. Нынче добровольцами не примут, в будущем году пойдем по набору. Мы девятьсот восьмье.

— То-то!

Я предлагаю длинному парню папиросу и прошу его объяснить, почему он не считает братву способной быть коммунарами.

— Тронуты разрухой — отрывисто объясняет парень. Неусидчивые бродяги. Потеряли к земле охоту. Коммуна не ими построена будет. Они люди маленькие — сегодня коммуна, завтра — зернофабрика, не понравилось — в город, на завод убегут. Там не обживутся, — на золотые прииски подадутся. Нет! Коммуну надо из крестьян ладить, из самых что ни на есть лапотников. Вот наш коллектив... Мы гомельские. Переселенцы. В Сибирь мы поднялись в прошлом году на правах переселенческого товарищества с кооперативным уставом. Ну, прибыли. Понравилось нам. Сами знаете, что есть Западный край. Крестьянству там нелегко живется — земли в обреш. Прибыли мы в Сибирь на правах переселенческого товарищества, а к осени, значит, перешли на устав товарищества по совместной обработке земли. Теперь думаем влиться в

коммуну соседнюю. Постепенно, значит, от единоличного хозяйства все превращения делаем.

— Большой коллектив у вас?

— Семей сорок. «Фордзон» нам дали и «Красную звезду» — молотилку советскую. Судить надо тех, кто ее строил! Такая хрупкая эта звезда, что господь упаси. Пока все новые части старыми не заменили, ни чорта не выходило из нее. Однако работаем. На лучшее надеемся. Урожай у нас втрое лучше, чем у соседей. Коллектив, ничего, дружный. — И помолчав, парень добавил: — хотя есть один недостойный член.

— Кто ж это такой?

— Председатель наш — с эпическим спокойствием ответил парень. Председатель наш, нами выбранный. Зажиточных он жалеет крестьян. Это правда. Между прочим, я сам это и обнаружил. Являются к нам крестьяне соседние и просят обмолотить хлеб. Взамен обещают дать нам брички — пшеницу с поля возить. Мы молотим. А после сельсовет просит — дайте сведения, кому сколько молотили. Вижу, председатель наш, по просьбе кулацкого элемента, уменьшает цифры. Ежели, скажем, кулак Забуга обмолотил пятьсот пудов, ему председатель пишет всего триста. — Я к трактористу: — Ты молотил хлеб зажиточному элементу? Да, — говорит, — я молотил. — Ты записывал, кому сколько обмолочено? — Да, говорит, — записывал. — А что, если твои цифры с председателем

скими разойдутся, кто будет прав?—Я,—говорит,—буду прав.—А, если так, пойдем председателя обличать в правой опасности! И пошли. Председатель, конечно, забил отбой.—Я,—говорит,—ошибся. Вы,—говорит,—меня поправили.

— Стариков нам часто поправлять приходится,—помолчав, добавил молодой коллективист. Поднимались когда из-под Гомеля, у переселенцев был такой расчет: заявляем, что мы есть коллектив. Получим на то пособие. А там поглядим, на новом месте — коллективу быть или снова расколоться на отдельные дворы. Многие только на хитрости коммунары.

5. Почему коммунары спят вповалку

Он начал говорить быстро, уверенно, равнодушно... Точно так прилежные ученики дореволюционного периода барабанили «отче наш».

— В неделю коллективизации будут проведены беседы, митинги, лекции по окружающим поселкам, выставки...

— Перейдем к более реальному...—перебил я.

Я очень плохо спал эту ночь. Белые мазанки коммуны, тускло освещенные багровым керосиновым огнем, были наполнены черными телами коммунаров. Коммунары валялись на полу, как дрова.

— Вот вы укрупнились,—сказал я,—а как с жилищным строительством? Почему коммунары спят на полу вповалку?

Молодой член коммуны так и не рассказал мне о подробностях предполагаемой выставки.

— Совершенно верно! — смущенно сказал он. — Мы строим три жилых дома, а нужно их строить, по крайней мере, тридцать три.

Окна канцелярии задребезжали, загудели и из тускло зеленых превратились в фиолетовые. На коммуну налетел дождь. Сизые тучи примчались с норд-остом оттуда, с северо-востока, из тундры, из-за полярного круга. Здесь, в глубине азиатского континента, погода меняется быстро. Еще вчера Реомюр показывал 21° на солнце, а сегодня утром ртуть упала до 1°. Надвигалась сибирская мятельная зима. И нельзя сказать, чтобы коммунары были вполне подготовлены к ее встрече.

Весенний поход на индивидуалистов, живущих на хуторах под соломенными крышами, окончился полной победой коммуны. С 165 человек число едоков увеличилось до 538. Солоновка, Копейкино, Тула, Латыши и ряд других селений наполовину влились в коммуну имени Сталина.

Вернее, они вступили под ее протекторат.

Коммуны пошли на укрупнение прежде всего по соображениям геометрического характера. Слишком хаотична была до весны конфигурация земельных участков коммуны. В ее территорию нахальными клинами врезались крестьянские земли, что чрезвычайно сильно мешало правильно организо-

вать полеводство. И коммуна решила во что бы то ни стало выровнять свои границы.

Дело сделано. В коммуну валят новые члены, вчерашние «мужики», получившие высокое звание коммунара. Но где разместить их? Как экспортер зерна, коммуна только нынче окрепла. 125.000 рублей выручки за реализованный урожай почти целиком нужно уплатить в счет погашения долгов. Долгу у коммуны около 200.000 рублей. Кредиты краткосрочны. Кредиторы настойчиво стучатся в ворота коммуны. Нефтесиндикат требует уплаты за керосин и автол для тракторов. Сельмаш напоминает, что американские «Интера» приобретены за звонкую монету. Совет Союзов сельскохозяйственной кооперации вежливо, но настойчиво повторяет, что договор социалистического соревнования между Сельским округом Северного Кавказа и Омским округом Сибири предусматривает быстрое и незамедлительное погашение ссуд по линии сельхозкооперации.

Надо изворачиваться. Вместо тридцати трех жилых домов, коммуна строит только три. Вновь принятые коммунары вынуждены пока что оставаться в своих деревнях, до будущего урожая, который, покрыв долги, даст коммуне возможность строить как следует.

— Как же так? Земля обобществлена, а живем все врозь, как единоличники. Какие же мы коммунары, когда живем индивидуально?

— Терпи, товарищ,—говорит старый коммунар.

— Мы, солоновские коммунары, просим вас срочно из Солоновки забрать в коммуну!

— Терпи, товарищ,—повторяет старый коммунар.

— Мы подвергаемся издевательствам зажиточного элемента!

— Потерпишь,—отвечает старый коммунар хмурясь.

— Нас кулаки спойть могут!

Тут старый коммунар не выдерживает.

— А на что ты есть коммунар, когда ты против кулака не можешь бороться? Коли деревню надвое, напирай на кулацкую часть, раз ты в деревне остался. Вот тебе задача на всю зиму. Ты есть наш авангард против кулацкого наступления.

Часть деревенских «новобранцев» все же разместились в коммуне, и это нашествие недисциплинированных новичков, разумеется, отразилось на быте.

Зима приближается. Все средства, которые все же удалось выкроить из выручки за урожай, брошены на строительство. На лужайке между желтобагровых осенних рощ растут стены с небывало громадными для деревни вырезами окон. Строятся три жилых дома, клуб, столовая. Здания возводятся из самана. Саман — это степной бетон. А в сторонке от саманных построек высится и новое,

почти законченное деревянное здание под железной крышей. Оно, пожалуй, самое величественное в коммуне. Оно предназначено не для людей, — а для ценного молочного скота.

Устройство теплого усовершенствованного двора на сто голов коммунары считают более важным, чем устройство собственных жилищ.

Так диктует им их коллективное самосознание.

6. За Султановой рощей

Одиннадцать национальностей насчитали статистики, переписывая население Омского округа Сибирского края. Великороссы, белоруссы, украинцы, немцы, латыши, эстонцы, мадьяры, евреи, финны, татары, киргизы.

Когда-то здесь жили исключительно киргизы. Но вот генерал Бухгольц и какие-то шведы в треугольниках пришли с севера, со старого города Тобольска, ведя за собой отряд казаков. Люди в треугольниках шли к Алтаю, но обстоятельства задержали их над устьем Оми, где и была заложена Омская крепость.

Это было при Петре 1-м. А теперь в этих краях стоит большой русский город Омск с двухсоттысячным населением, с вузами, заводами с.-х. машин, грандиозным мясокомбинатом, а вокруг живут земледельцы—одиннадцать национальностей, преимущественно европейских. Киргизы же представляют нацменьшинство, не имеющее особого веса в жизни округа.

Бедно и скверно живут киргизы. Они — самая отсталая национальность, здесь в прииртышских степях.

Султановы рощи на юге Ново-Омского района не принадлежат, как будто бы, никакому султану. Султаны повывелись. Рощи принадлежат государственной лесной даче, но название, старинное, имеющее вековую, может быть, давность, осталось до сих пор.

— Почему рощи называются Султановыми? — спрашивал я в райзо.

Трудно сказать, — отвечали агрономы. — Это дело краеведов вызнать такую штуку.

Краеведы пока что не добрались до рощ. Но зато нынче приехала в рощи землеустроительная комиссия с представителями от переселенческо-колониционной партии и от Центрогидростроя.

За Султановыми рощами находится аульный совет № 5, объединяющий семнадцать киргизских аулов. Аулы стоят, как аллах велел. Очень часто зимовки расположены при болоте. Колодцы плохи — это первобытные «верховодки» с нечистой и солоноватой водой. Живут киргизы скученно, в беспорядочно расставленных грязных землянках. Словом, киргизы живут еще хуже, чем во времена Бухгольца, казаков и шведов в треуголках. Тогда номады были богаче, ибо занимались грабежами и войной.

Комиссия, приехавшая в Султановы рощи, в аульный совет № 5, сделала киргизам изумительное предложение:

— Переселяйтесь на новые места, к хорошим колодцам. Стройте новые дома на русский манер. Лес отпустим вам из бедняцкого фонда. Но условие: сливайтесь по несколько аулов. По два, по три...

— Зачем? — спросили киргизы.

— Когда аулы сольются по два, по три, легче будет дать вам школы, кооперативы. Вообще, большим поселкам легче жить. «В единении сила».

У комиссии была, конечно, определенная цель. Слияние аулов — это первый шаг к коллективизации киргизского полукочевнического хозяйства. Сначала слияние аулов, затем обобществление трудовых процессов, а через несколько лет, глядишь, вырос новый колхоз. И не узнаешь бывших кочевников.

В округе уже есть несколько киргизских колхозов. Один из них недавно даже попросил себе трактор и молотилку. Но районные власти не дали.

— Русским не хватает, а мы киргизам дадим! Так и остались киргизы без трактора.

Большинство аулов, входящих в аулсовет № 5, согласились на слияние. Но несколько аулов никак не удастся слить. Таков, например, Кара-аул, что по русски означает «Черная деревня».

— Мы не хотим сливаться с аулом Кенафия, — говорят кара-аулцы — там живут четыре поганных татарских семейства.

— Сливайтесь с аулом Кудук, в таком случае!

— Мы не можем. Мы другого колена. У нас прародители разные.

Так и не может аул Кара найти себе подходящих односельчан.

Райисполкомщики полагают, что аул Кара находится под тайным влиянием кулаков.

— Кулакам, в общем, не поздоровилось после землеустройства, — рассказывают в исполкоме. — Из района пятнадцать кулаков откочевало после землеустройства в Казакстан. Казакстанская граница здесь поблизости. Баи уехали в Казакстан, чтоб отбиться там от кулацкой марки. Бай, обложенный в Сибири двумястами рублями налога, вернулся из Казакстана с новым окладным листом, по которому налог снизился до двенадцати рублей. Но мы отобрали у баев эти новые окладные листы и вернули их в Казакстан. Объявили казакским властям в чем тут дело. Баи опять куда-то откочевали. И вот мы думаем — не сидит ли в ауле Кара байский приспешник? Откуда разговоры о разных родоначальниках?

— Ведь вот какое дело! Сидит аул, сидит, а в один прекрасный день исчезнет. Откочуют куда-нибудь за казакскую границу, на большой Тениз или к самому Кокче-Тау. Ищи ветра в поле!

За Султановыми рощами происходит много странных и необычайных вещей. То провезут по аулу нагую женщину верхом на черной корове, лицом к хвосту, то вспомнят исторические разногласия времен царя Гороха.

Вероятнее всего здесь через несколько лет будет самый обыкновенный советский колхоз с трактором, радиоприемником, клубом... А может быть, останется пустое место, и чей-нибудь чужой трактор вспашет бугры на том месте, где прежде стояли киргизские землянки.

Баи, крадучись, ходят возле Султановых рощ, заходят в аулы, шепчут, грозят, зовут... А почтенные аксакалы, седобородые аульные старцы, своими длинными бородами суетливо заматают грязные следы баев.

7. Provincia

«Есть в русской природе усталая нежность» — цинично процитировал я, ставя лодку поперек пенистого хохла иртышской волны.

— Что? — пробормотал хлебозаготовитель, отчерпывая воду со дна душегубки.

— Ничего! Следует избить паромщика!

— Я на него пожалуюсь в крестком, на гада! Из-за него мы опоздаем на пароход. Что это за паромщик, который боится ветра!

Мы пересекли Иртыш и бросились к парому.

— Почему вы не гнали паром, когда на том берегу толпа?

— Клячи от качания на волне балдеют,—угрюмо пояснил паромщик.—Перестают вертеть вал. Клячи — это тебе не машины,—походят кругом столба да и свалятся. Машину поставь, а потом и требуй паром. Овес-то почему? А?

«Есть в русской природе усталая нежность» — снова вспомнил я. «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора». А также хлебозаготовки, сенозаготовки, заготовки молочного скота. Усталая нежность, дырявые баржи, клячи вместо машин.

Никаких идиллий! Я описал сибирскую осень такой, какой она была на самом деле. Вот смотрите, какой была осень 1929-го, чреватого своими последствиями, года.

Мои московские друзья потеряли меня из виду.

— Он запропастился где-то в провинции,—говорят они.

Да, я был в провинции! Провинция — это завоеванная область. Кто ее завоеватель? Социализм.

1929

РЕСПУБЛИКА НОМАДОВ

1. В гостях у султана

В Казакстане не меньше пяти миллионов населения. Он лежит между Сибирью, Уралом, Китаем и Туркестаном. Он кругл, и культура в нем убывает по радиусам, от окружности к центру. Вблизи границ стоят города, а внутри республики — степи, горы, пустыни, громадные соленые озера, которые не все нанесены на карту.

В глубине страны советской властью не пахнет, — там до сих пор царил феодальный уклад. Богатые баи — представители туземных знатных родов владеют громадными тысячными стадами скота и табунами коней. Можно ли учесть скот, пасущийся на пастбищах, к которым нет дорог?

Революция коснулась далеко не всех баев. В глубине страны, за неоткрытыми горами, между пустыней и камышами Балхаша, в долинах рек, нанесенных на карту, несомненно, кочуют немало богатых номадов, до которых даже известия о

происходящих этих событиях доходят не особенно скоро. Мне кажется, что и вблизи городов не всех богачей задела революция. Султан-бай, например, я уверен, не потерял ни одного коня из своих табунов.

Пограничный хутор называется Тюбек-Дунаевка. Название двойное, украино-киргизское. В хатах белые стены украшены китайскими веерами — это влияние сибирского города. Хуторяне раза два в месяц ездят в город на базар, там они и приобретают китайские изделия.

Ночью через хутор на юг пронеслась машина.

— Султан проехал, — сказала хозяйка, разбуженная гулом мотора.

— Какой султан?

— Кыргызский, — ответила хозяйка и, зевая, поведала нам, что верстах в сорока к югу, за границей Казакстана, на берегу озера Биткуль в своем ауле живет киргизский султан. Султан имеет повара, граммофон и ездит из аула в город на автомобиле еженедельно. Озеро Биткуль — проклятое место. Хуторяне прежде ездили туда за солью, но после отделения Казакстана, киргизы стали брать дань, и хуторяне перестали ездить за солью.

Мы решили утром отправиться к таинственному султану.

Неглубокая рытвина, сделанная бороною, обозначает границу Сибири и Казакстана. Паспортов ни-

кто не проверяет, пограничников не видеть. Местность пустынна. На севере, в стороне Сибири темнеют березовые колки. К югу расстилается волнистая степь. Мы едем по автомобильному следу.

А вот и аул. Несколько плоских строений ний приютились над берегом степной неширокой речки. Пахнуло кизячным дымком. Длинноногие киргизские собаки выбежали навстречу и, лая, скачут на уровне лошадиных морд.

Приехали!

Из низкого саманного жилища выходит человек в толстовке, узеньких брюках и модных узконосых полуботинках. Человек идет к нам навстречу. У него смуглое лицо и тонкий с горбинкой нос. Прическа. Маленькие английские усики. Это азиат, но азиат городского типа. Именно такие должны кататься на автомобилях.

— Я его часто вижу на ипподроме и в казино — шепчет один из нашей компании.

— Здравствуйте. Скажите, не вы ли Султан?

— Меня зовут так — улыбаясь отвечает он.

Глядим друг на друга.

— Крестьяне из Тюбек-Дунаевки употребляют это слово как титул. Но на самом деле это имя, — говорит Султан. — Пройдите, пожалуйста, в зимовку. Мои люди сейчас напоят ваших лошадей.

Мы проходим крытым двором. Под навесом стоят кони, и, в стороне, автомобиль. Около машины копошится механик.

— Простите, это ваша машина?

— Что вы! Наемная.

— Сколько же стоит нанять?

— Пятьдесят рублей конец.

По-русски он говорит почти без акцента. Комсомолец Адам, самый молодой из нас, вдруг говорит Султану.

— Я знаю, кто вы такой. Вы в городе на конском базаре лошадьми торгуете.

— Вот именно,—вежливо отвечает Султан. Дорогие гости, сейчас я пошлю джигита в Сибирь за водкой. Прикажу зарезать барашка.

Комсомолец хмурится. Охотник Коля, человек громадной силы, когда напивается — буен. Все вооружены. У Султана на стенке зимовки висят охотничьи ружья. Республика — чужая. Я боюсь международных осложнений. И поспешно за всех отвечаю:

— Спасибо. Но мы хотим успеть сегодня поохотиться на берегу Биткуля.

— Ага,—говорит Султан.—Ну что ж, поезжайте. Только не дать ли вам проводника.

— А разве тут можно заблудиться?

— Не в этом дело. Вас могут беспокоить там киргизы. К русским они относятся все же не особенно хорошо.

— Что же киргизы могут нам сделать? Убить, что ли?

— Нет, конечно. Но все же лучше с проводником. Перед отъездом выпейте, товарищи, кумыса. Пройдите в комнату.

Внутри зимовки ковры, мягкая мебель, в углу, рядом с объемистым кожаным сосудом, в котором хранится кумыс, стоит поразивший крестьянское воображение граммофон. К низкому потолку подвешена лампа-молния.

Мы решили ехать без проводника и через несколько часов с увала увидели озеро Биткуль. Это был довольно значительный круглый водоем верст пятнадцать в поперечнике. Над озером поднимались лиловатые испарения, и противоположный берег вырисовывался очень неясно. Таких озер в Степном крае немало. Они носят причудливые туземные названия. Некоторые из озер радиоактивны, на многих побережьях встречаются минеральные грязи. Когда-нибудь на озерах возникнут курорты, но пока что сюда никто не заезжает.

— Там людей-то нет. Один киргиз бродит, — говорят русские крестьяне ближних районов.

Столкновение произошло неожиданно. На пресной лужице около озера охотник Коля подстрелил двух гусей. Бродя в камышах, мы не заметили, как семь всадников окружили роковую лужицу. Мы оказались отрезанными от своих лошадей.

Пожилой киргиз в малиновом малахае подъехал ко мне и, умышленно упирая лошадиную морду мне в лицо, закричал укоризненно:

— Кыргызский кез!

— Что надо?

— Кыргызский кез,—повторил всадник, указывая на убитого гуся. — Зачим убил?

— Зачем я убил киргизского гуся? Гусь был дикий, он летел в небе. Сел на озере.

— Давай сюда!—закричал киргиз.

Охотник Коля налился кровью.

— Раскрывай рот шире,—насмешливо сказал он киргизу.

Остальные шесть всадников загалдели.

— Кыргызский кез!

Я прошептал комсомольцу Адаму.

— Знаешь что? Не будем ругаться. Пригласим их к обеду, так сказать.

— Идет,—ответил он несколько нервически.

— Эй, бай! Сейчас зажарим гусей, все вместе есть будем. Хлеб есть, сахар есть, чай.

Всадники спешили. Степному киргизу не часто приходится есть хлеб и сахар.

Пылал костер, кипел большой чайник, жарились гуси. Все шло прекрасно, пока один из джигитов не попытался украсть у меня финский нож. Степной человек легко поддается искушению. Его, как ребенка, привлекают ножи, металлические портсигары, кольца. Конечно, это делает бедняк, а не бай. Я сделал вид, что вороватость джигита привела меня в ярость. Я кричал:

— Как! Султан-бай из Биткульского аула говорил, что киргизы чтят закон гостеприимства. А ты ворует нож. Спрошу сегодня вечером у Султан-бая, почему в степи вороватые люди?

Киргизы зашевелились.

— Уй! Султан-бая знаешь! Что раньше не сказал? Султан-бая гость—наш гость! В аул сейчас поедem.

— За что чтите Султан-бая?—спросил Адам.

— Хороший человек. Бедняку помогает. По киргизским делам ходатай. А д б о к а т.

— Богатый он?

— Уй. Аул свой. В городе дом каменный. Лошадей очень много.

— Сколько лошадей?

— Фининспектор не счел и ты не считаешь. Много бедняков кормится вокруг бая.

И было так: мы, как почетные гости, въехали вечером в аул. В юртах, на грязных кошмах копошились трахоматозные дети. Подозрительно, сифилитически, гнусавили женщины.

Киргизы аула жили бедновато, но все же не умирали с голода. Они пасли скот Султан-бая. Они имели мясо и кумыс.

2. Ермак и арбузная корка

Бедняк находится в экономической зависимости от бая. Не везде и не всегда в Казахстане государство может оказать помощь бедняку. В степи случился джют, скотина гибнет, есть нечего. У бая —

запасы. Заем нужно отработать или отдать дочь либо жену в уплату... За бедняком фиктивно числится скот бая, если тому надо скрыть излишек. Мало ли на что может пригодиться бедняк.

Зависимость бедняка от бая кончится тогда, когда основная масса киргизов перейдет на земледелие, на культурное скотоводство, переменит образ жизни с кочевого на оседлый.

В Павлодарском районе, поближе к рынкам сбыта, существует уже много киргизских маслозаводов. За Семипалатинском существуют киргизские колхозы. Даже в глухих степях Прибалхашья я видел аулы киргизов-хлеборобов. Хлеборобы оросили степь при помощи системы арыков, взяв воду из горных речек. Зелень вокруг таких аулов видна издалека.

Киргизы хлеборобы не были одеты в одежду из скотских шкур, удобную при верховой езде. Они не имели малахаев. Земледельцы работали полуобнаженными, а их головы были повязаны пестрыми платками, как у кинематографических корсаров.

Кстати, о корсарах, баграх и кровавых битвах на палубе судна. И это случается в Казакстане.

Нынче летом киргизы-грузчики напали на пассажирский пароход «Ленинград».

Это было на реке Иртыш, на пристани Ермак и Павлодар, в сравнительно культурном районе страны. Близ Павлодара находятся соляные про-

мысла, пристань Ермак соединена узкоколейной железной дорогой с копиями Экибас-Туз.

Соль, руды, каменный уголь — вот чем богат край.

Большинство киргизов этого района давно потеряли номадский облик. Люди работали на копиях, на солеварнях, привыкли одеваться по рабочему, привыкли иметь дело с европейцем и не только с русским, но и с концессионером-иностранцем. В общем, здесь передовой народ.

К передовому народу принадлежат и грузчики с Ермаковской пристани. Рослые парни, они набрали себе здоровые мускулы, из года в год таская мешки и гоня нагруженные тачки от пристанских пакгаузов к пароходным трюмам.

«Ленинград», белый пассажирский пароход американского типа, принимал на этот раз груз концентрата и арбузов. Когда погрузка парохода окончилась, из трюма на палубу поднялся один грузчик. Он доедал арбуз и бросил корку на палубу.

Сорить, плевать, бросать окурки и объедки на палубу считается крупным проступком во всех флотах. Вахтенный матрос приказал грузчику поднять корку. Киргиз почему-то не сделал этого и обругал вахтенного. Тогда матрос вытолкнул грузчика на трап. Грузчик развязал стремянку трапа и ударил ею матроса по голове. Завязалась драка, в которой приняла участие вся артель грузчиков. Глыбы соли

и каменного угля полетели на палубу парохода. Зазвенели стекла.

Пароход отчалил без гудков.

Пароход шел к следующей пристани — городу Павлодару — извистым фарватером Иртыша. А на прямых, степной дорогой скакали к Павлодару несколько всадников. И когда пароход причалил к Павлодарской пристани, дебаркадер был уже полон местными киргизскими грузчиками, вопиющими о мести за оскорбленного ермаковского товарища.

У трапов завязался бой. Грузчики проникли на верхнюю палубу и разгромили салон первого класса.

В драке пострадало пять русских и четыре киргиза. У кочегара оторвали два пальца. Чтобы прекратить побоище пришлось пустить в ход пожарные рукава.

Шептуны говорили, что киргизы громили пароход в виде протеста против неправильной налоговой политики в Семипалатинской губернии. Капитаны утверждали, что киргизами овладел приступ шовинизма.

Капитаны все время ходят по Иртышу, им известны все уголки далекого озера Зайсан, они бывают в Усть-Каменогорске — поблизости рудников Риддера, они заходят в Семипалатинск, — весь Казакстан известен капитанам.

Лозунг «гони русских из Казакстана!» — смешной

лозунг. Но он находит поддержку среди довольно большого количества киргизов. Разумеется, этот лозунг провозглашен баями, которым выгодно создать суматоху и оттянуть неизбежное внедрение идей советской власти в сознание киргизской бедноты. Полудиккий житель аула принимает их лозунг за чистую монету. А киргиз пролетарий связан с аулом крепкими родовыми связями. Авторитет аксакала—седобородого старца—высок.

Поэтому,—когда быют киргизского богача, он рукою бедняка отвечает ударом по шее русского матроса.

3. Степная медицина

Селение Кукум стоит на границе пустыни. Плоские крыши хижин окраины уже занесены песком. Дюны наступают в направлении господствующих ветров. И остановить их наступление не по силам тем людям, которые живут в селении Кукум. Это люди бедные и забытые. Они по недели, а иногда по месяцам сидят без хлеба и без табаку. Своего хлеба здесь не хватает, а обозы кооперации идут из Семипалатинска на юг не спеша.

Когда от безхлебья и безтабачья становится во все неможготу, житель селения седлает коня и скачет в степь искать спекулянтов. Спекулянты нередко путешествуют по степям Прибалхашья. На Балхаше за пуд муки они берут семь-восемь пудов рыбы.

Всадник находит спекулянтов по дымку костра. Спекулянты обычно разбивают свой лагерь поблизости к дороге. Лагерь охраняют злейшие псы и надо уметь подъехать. Спекулянты боятся грабителей,—рискуя жизнью, они считают себя вправе драть за водку, хлеб и табак совершенно несуразные цены.

Жители селения промышляют, главным образом, извозом. Все они ямщики—и киргизы, и русские, и татары, живущие здесь. Они возят грузы—лес, сырье, фрукты с юга, и иногда, пассажиров.

В день моего приезда местная юродивая—пожилая киргизка бегала по улицам крича, что ее изнасиловали русские парни. Милиционер арестовал по ее указанию трех парней и заключил их на ночь в каталажку. Парни вопили и плевались. На утро выяснилось, что юродивая все наврала, будучи подучена киргизскими парнями, которые пообещали ей сахару. Но киргизы не дали ей сахару, и она разоблачила их перед милиционером.

А пожилой татарин, в доме которого я остановился, пожаловался мне за чаем, что какой-то киргиз обругал его словом «ивропиис».

— Что это слово означает?—спросил я.

— Ивропиис? Ивропиис. Ты—ивропиис, верно. А, я—какой я ивропиис! Я татарин. Русский—ивропиис, кукул (хохол) ивропиис, а наша—татары.

— Европейец, хотите сказать?

— Да, да. Уй, сердце болит. Тиф будет.

— Почему тиф.

— Фельшир сказал. Я часто тифом болен. Прошлая неделя брюшной тиф был. Девчонка тоже лежит—возврат тиф фельшир сказал.

И татарин кивнул головою за занавеску, где лежала больная девочка.

— У нее тиф?—встревожился я.

— У нее всегда тиф. Весна—тиф, зима—тиф, один, другой, третий, разный тиф,—махнул рукою татарин и вернулся к своей особе:

— Я тоже больной. Когда киргиза ругал—сердце колотилось очень шибко. Кулаком себе грудь бил. Фельшир видел, говорил—«Сердечный тиф будет»! А я не могу!

Вечером, когда с северо-запада, со стороны далекого озера Балхаш потянуло свежим ветерком, я направился к дьявольскому эскулапу.

Это, несомненно, был беглый ротный фельдшер. В ситцевой рубаше без пояса, жирный, с физиономией медной и круглой словно гигантский пяточок, фельдшер церемонно принял меня в беленой горнице.

— У меня, знаете, живот болит.

— Как вы приезжий, значит, вода здешняя на вас действовала,—объяснил он.—Вот я дам вам крепительного медикамента.

— А скажите, у меня не тиф?

— Какой тиф! Что вы, бог с вами!

— Но послушайте,—строгим голосом сказал я.—

Вы... при таких же признаках у киргиза или у татарина определяете брюшной тиф. А если у человека малярия, вы ему говорите, что у него возвратный тиф.

— А с ними иначе нельзя,—в тон мне возразил фельдшер.—Я вам разъясню. Как вот с вами я говорю просто. Скажем, у вас французская болезнь. Я вам так и скажу. Другое дело киргиз. У меня киргиз главный пациент. Киргизы с песков, киргизы с гор, киргизы с Балхаша, все ко мне идут. Я один на всю окрестность. И заметил я точно: сифилиса они не боятся, даром, что многие гнусеть начали. Какая от бабы, мол, болезнь. Так же и малярия—какая болезнь от комара. Ничего они не боятся, кроме как тифа. В гражданскую, когда белые на Китай уходили, занесли сюда эпидемию. Пошло валить и киргизов. Запомнили: тиф — это болезнь смертельная. И боятся. Ну, а я, когда придет ко мне свежий сифилитик, и пугаю: «Сыпь у тебя. Сыпной тиф. Скачи в город лечиться, не то померешь». И скачет. А скажи ему «сифилис»—плюнет и лечиться не станет.

Мы долго беседовали с гениальным фельдшером, которого, по моему, надо наградить орденом Трудового Красного Знамени. Он рассказывал о туземных красавицах, которые готовы отдаться любому неприхотливому европейцу за кусок мыла. Мыло необходимо для того, чтобы промывать трахоматозные очи. Рассказывал он о туберкулезе

среди киргизов. Русские ездят в степь, на кумыс, лечиться от туберкулеза, а жителям степи надо ездить лечиться от туберкулеза в городские диспансеры.

Романтический ореол степи таял. Я грезил конным отрядом дезинфекторов, которые опрыскивают степь карболкой, и киргизов, под страхом расстрела, погонят мыться в где-то строящиеся бани.

1928

ГОРЫ, РУДЫ, ЛЮДИ

1. Распутица

Вместо Иртыша, какая-то белая муть, из которой одиноко торчали разломанные сходы. Надежды попасть в Риддер не было никакой.

В ночь моего приезда в Семипалатинск неожиданно поднялась снежная буря, и пароходы стали. Неуехавшие пассажиры утром осадили почтовую станцию. Но начальник станции вдруг перестал понимать русский язык, что в Семипалатинске делают лишь казаки, когда почему-либо у них пропадает желание разговаривать с русскими.

Начальник твердил упрямо:

— Шульба, Уба. Да Шульба же, Уба!

В конце концов выяснилось, что речки Шульба и Уба не так уж страшны, но почта переживает лошадиный кризис, нехватает коней для срочных рейсов, и никто из посторонних, будь он хоть трижды командирован, из Семипалатинска не уедет.

Автопромторг, чьи автобусы регулярно рейсируют по тракту Семипалатинск—Бахты, также остался глух к нашим воплям. Ему, конечно, было гораздо выгоднее начинить очередную машину «китайским купцом»—сартами из Чугучака—восемьдесят рублей с человека. И автобусы на наших глазах, иронически рыча, убегали в китайскую сторону. Что ж поделать? Торговля с Западным Китаем—дело большое. Не даром в Семипалатинске китайское консульство.

— Хоть бы мифический аэроплан прилетел!

Мифический аэроплан — очередная сенсация. Однажды ночью некий бухгалтер Госспирта, выйдя зачем-то на двор, услышал гул самолета. Подняв очи, бухгалтер усмотрел: над Иртышом в районе строящегося железнодорожного моста, кружит таинственный самолет и протягивает желтые щупальцы прожекторов прямо к постройке. Бухгалтеру стало ясно, что капиталисты всего мира не дремлют. Утром следующего дня в городе начался переполох. Местная газета с разгону дала широкую информацию о таинственном самолете. Полетела телеграмма в «Советскую Сибирь». Но еще через день пришлось печатать опровержение—ни какого, мол, самолета не было, а был воздушный шар с фонариком, пущенный с метеорологической станции. Он, мол, ошибочно и принят за самолет. Публика, разумеется, не поверила—как бы не так! Знаем мы, какой шар! Это который динамитом на-

чинен, что-ли! Аэроплан был. Мост-то взорвать нужно или нет?

Итак парохода не было, лошадей тоже, аэроплан, занятый своими шпионскими делами, не прилетел, и приходилось сидеть в гостинице, либо шататься по городу, наблюдая быт.

Понаблюдать стоило. Строительная горячка, охватившая Семипалатинск, отразилась на многом. Мне приходилось бывать в этом городе в 1921 году, когда самыми значительными лицами здесь были военкомы, и мертвая тишина улиц нарушалась лишь вечерним воем—сначала воем мулл с минаретов мечетей, а погода—воем голодных псов у подворотен. Затем пришлось мне быть в Семипалатинске в 1926 году. Картина совершенно другая—на первый план выдвинулся красный купец-кооператор, а в улицах с утра и до утра ревели быки и верблюды, заглушая и мулл, и псов. И вот наступает 1928-й год. Быки ревут попрежнему—торговля еще живее, но другими быками заняты помыслы граждан—серыми каменными быками строящегося железнодорожного моста. И самые знаменитые в городе люди нынче не военкомы и не кооператоры, но инженеры из Турксиба.

— Чье здание в праздник иллюминировано лучше всех?

— Турксиба!

— Кому нужна рабочая сила?

— Турксибу.

— С кого можно содрать за квартиру втридорога?

— С инженера из Турксиба.

Город живет стройкой. Великое оживление охватило всех. Постройки, подряды, поставки, червонцы. Пьянство, говорят, втрое увеличилось. Трудно сказать, кто сильнее пьет—русские или казаки. Казаки, у которых нет в деле поглощения спиртных напитков большого опыта, напиваясь, сильно шумят. Под праздник вечером пьяные ездят по городу,—кто верхом, кто в телегах и—поют песни.

— Эй, джалдаш, что же ты упился? Магомет не велел.

— У-рус! Што ты понимаешь в закон? Вина пить пророк не велел. Водка можно. Где про сорокоградусни сказал? А? Покажи!

Но это, конечно, лишь отговорка. И вино пьют меньше только потому, что оно дороже.

Я потерял последнюю надежду выехать в Усть-Каменогорск, когда удача пришла в виде большого театрального занавеса, упакованного в желтый деревянный ящик.

Неожиданно появился т. Фрейман из Риддерска. Он был профработник. Он тоже искал возможности попасть домой. Подумав, он объявил.

— Уедем!

И повел целую кампанию несчастных путешественников в «Алтополиметалл», тот трест, в чьей эксплуатации находятся Риддерские рудники.

— У вас есть Форд?—сказал Фрейман спокойно.

— Машина едва дышит и не дойдет до Усть-Каменогорска,—заволновались трестовики.

— Как? Вы знаете, что я везу театральный занавес, подарок ЦК (цека) горнорабочих Риддеру!

— Мы не можем из-за вас одного гнать машину,—хозяйственно возразили трестовики.

— Вот—раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь,—торжествующе пересчитал нас по пальцам Фрейман.—В машину больше и не влезет.

И машина была за нами.

Дальше началась трясучая летаргия. Выехали мы вечером. Над Фордиком для защиты от студеного ветра натянули брезент. В кузов, кроме нас восьми, всунули ящик с занавесом и бочку с бензином. Мы скорчились, словно зародыши, в этой грохочущей и подпрыгивающей утробе. На кочках подбрасывало и било: головой о перекладины, на которых укреплен тент, правым боком о подарок ЦК горнорабочих, левым—о выступ бочки с бензином. Заиндевелые степные травы то и дело хлестали по борту машины, и под тент проникала сухая снежная пыль. Трудно заснуть подпрыгивая, но все же я ухитрился... Под утро, взглянув в щелочку тента, я увидел впереди очертания далеких гор. С юга дул теплый ветер. Снег раскисал. Чем ближе подходил автомобиль к горам, тем становилось теплее. Чувствовалось, что Алтай близок. Из-за поворота показался Иртыш. Я посмотрел на реку узенькую, из-

вилистую, текущую по какой-то вспученной поверхности, и вспомнил Иртыш у Омска, громоздкие лихтера и землечерпалки, ширь, медленное течение. Разница.

Но, взглянув на реку, увидел я нечто знакомое—там высились казенные удручающие серые постройки крепости, такие же серые, как в Омске...

Усть-Каменогорск. В ночь мы сделали двести с лишним верст.

2. Люди гор

Невзрачная, построенная англичанами наспех, станция Усть-Каменогорск Риддерской узкоколейки осталась позади. Глухо гудит мотор автовоза, вагончик трясется, сквозь выбитые стекла окна сеет дождь. Хилая дорога, старенькая.

В вагоне нас человек десять. Рабочие, какие-то женщины вроде крестьянок. Рабочие лениво обсуждают свежую сплетню о том, что на Риддер пригласили американских инженеров.

— Свои-то молодцы что-ли оказались?

— А может быть, в концессию хотят продать Риддер снова?

— Да нет. Какая концессия. Для руководства выписали будто американцев.

— Для руководства, вот что... да. Научат работать.

— Им что. Им деньги дай—научат.

— Золото не жалко. Нынче, братцы, не в золоте дело, а в свинце.

— Почему?

— Пули-то не золотые, а свинцовые, чужак.

— А! Верно говоришь. Пули-то свинцовые.

— То-то и есть. Это гаду бергалу золото надо, а нам, рабочему классу, свинец надобен нынче.

— Кто такой бергал?—спрашиваю я у своего соседа, строго квалифицированного рабочего.—И почему ему надо золото?

Сосед улыбается.

— Бергалы,—это здешние, коренные горнорабочие,—объясняет он шопотом.—На Риддер приедете, расспросите про бергалов этих. Чем, значит, они отличаются от нас, приезжих. Мы ведь больше приезжие. Вот хотя б я сам. Я, например, из Риги. Потом в Питере работал, потом в Баку.

— А как сюда попали?

— С французом. Ученый он был. Инженер. Как же его звали? Фирюза, кажется. В Семипалатинск он приехал. Мясо вялить по особой своей системе он решил. И рыбу балхашскую вялил тоже. Вот я с ним и приехал из России. Рабочих ему много было надо. А потом инженер помер, тут революция, и я на Риддер попал. Так вот и многие,—кто с России, кто с Западного края, кто с Дальнего Востока. А бергалы—это местные, вековые. Вы поинтересуйтесь там, на Риддере...

— Ладно. А что это за инженер француз?

— Так, знаете... этот край... Семипалатинская область. Алтай, тут иностранцев всегда много было.

Знали, где богатство лежит, человека ждет. Ну, а этот инженер чудак был. По-русски ни слова. Все через переводчика. Он был такой, бродячий. То, в Греции, говорили, жил, то где. Наконец, в Сибирь приехал. Здорово у него был хороший способ мясо вялить. Он-то, конечно, опыты производил. Но, между прочим, в голодный год, когда я в Семипалатинске работал в союзе пищевиков, открыли мы в подвалах образцы этого мяса. Несколько лет пролежало и ничуть не испортилось. И мы его, вместо пайка, с удовольствием кушали. Боевой француз был. Жаль, что помер.

У баб свои разговоры.

— И говорит кыргыз: «Надоела ты мне. Вот пырну тебя ножом, схороню в горы, а сам на русской поженюсь». А она, кыргызка, как ему в хариу вцепится...

— И пырнул?

— Конечно, пырнул.

— Смотри-ка, калбит, а туда же!

«Калбит» — оскорбительная для казака кличка. В переводе это слово означает каблук.

— За нашу девку в тюрьме посидеть не жаль, — самодовольно говорит одна из баб.

Я еще в Семипалатинске много наслышался о смешанных браках. Русских женщин за кыргызами много, а киргизок за русскими мужчинами мало.

— А почему русские бабы за киргизов идут? — говорю я. — Раньше этого не было.

— А который киргиз много приятней русских некоторых, — сухо отвечает женский голос.

— Ну, это ты врешь, — возражает другая женщина. — Зачем уж неправду говорить. Скажи лучше: богач киргиз, спокойнее за ним много.

— И настойчивый он нынче. Так к русской бабе и льнет. Наша баба бела, собой хороша. А киргизка что? Жужелица желтая...

— Русский-то киргизку не возьмет — некрасива собой, да и хозяйка плохая. А киргиз русскую пожалуйста, — будь добра.

— Конечно, киргизскую бабу никому не надо. Разве что за богатство взять ее могут. Вон у нас охранник к киргизке ходит. Так и дорого же он ей стоит. Тянет из ее деньгу, тянет.

Узкоколейка тянется на 96 верст. Говорят, что она проходит по весьма красивым местам. Описать сих красот я, к сожалению, не в состоянии. Туда и обратно я ехал ночью. Сквозь дождь и мрак разглядел я крутые обрывы, скалы, лес. Чувствовались крутые подъемы. На последней перед Риддерском остановке, выйдя из вагона, услышал глухой гул.

— Громотуха гремит, — пояснили рабочие. — Электрическая река.

Одно могу сказать про узкоколейку: здорово она расхлябана. В вагонах дует. Щели.

Риддерск лежит в широкой равнине, вдающейся

с юго-запада в Алтайский горный массив. По этой долине текут ниспадающие с гор реки Громотуха и Тихая, которые, сливаясь, верстах в десяти ниже Риддерска, образуют реку Ульбу. Горы здесь высокие. На покрытый вечным снегом Ивановский блок тяжело садятся облака, в долину ползут туманы, под склоном гор перед непогодой крутятся вихри.

Я бы не сказал, чтоб риддерский пейзаж был особенно красив осенью. С горы, на которой стоит здание заводоуправления, поселок кажется расположенным на дне ямы. Вдоль речки Филипповки тянутся новенькие, приятные для глаза, стандартные домики рабочего городка, а дальше за речкой, начинается темно-серое, мрачное месиво вековых риддеровских изб, среди которых неким белым слоном высится гордость профсоюзников—новый клуб.

Сумерки. Туман. Неяркий свет электрических фонарей. Звон колокола. Это благовестят в древней деревянной церкви, что на площади позади клуба. И товарищ Крипс, помощник управляющего, вздыхая, наблюдает, как к храму божьему ковыляют специфические риддерские старушки.

— Одни старушки. Уверяю вас — одни старушки, — говорит тов. Крипс. — Я ведь напротив живу, наблюдаю.

Однако, когда в день открытия клуба, оратор упомянул о том, что, вот, мол, была на площади

одна церковь, а ныне клуб выстроен, вдвое выше церкви, в семьдесят тысяч встал,—из толпы послышался явственный шип:

— Ты церковь не задевай!

Шипели, конечно, бергалы.

Слово «бергал», несомненно, происходит от немецкого,—гора. Бергал—горный человек, что-ли. Горняк. Были в давние времена здесь администраторы немцы, дали эту кличку рабочим. Немцы исчезли, кличка осталась.

Углубляясь в дебри истории, рискую заблудиться. Надо сказать, что сведения о риддерском прошлом туманны, как эти горы в осенний день. Тем более, что сейчас на Риддере народ новый, наезжий. Живут «пафосом строительства», не столько сегодняшним, сколько завтрашним днем. И о темном прошлом этих мест и знать не хотят.

Так мне не удалось узнать, почему месторождение руд названо риддеровским, кто такой был Риддер. Вероятно, в специальной литературе это есть, а местные жители не знают.

— Риддер? Может быть, он беглый каторжник, а может быть... генерал. Кто его знает!

Большинство сведений по истории приисков пришлось добывать уже в городах.

Первыми рудокопами на этом юго-западном склоне Алтая были люди из племени чудь. Затем чудь ушла. По мнению археологов, чудь ушла с гор и закончила свой исторический путь в иных краях.

По мнению же русских крестьян, позднейших засельщиков края, чужь ушла в землю. Схоронилась в своих постройках живьем, узнав о приближении солдат белого царя. И когда-нибудь должна воскреснуть.

Суеверные бергалы нередко встречают людей из племени чужь в горах, в шахтах.

— Сидит чужа и ковыряется. А подойдешь — сгинет.

Как бы то ни было, русские (а может быть иностранец, если месторождение руд получило название по имени человека, его открывшего) наткнулись на следы работ чуждских рудокопов. В 1787 г. здесь образовался поселок с населением, составленным из заводских крестьян различных селений Алтайского округа. В свое время эти крестьяне пришли на Алтай с Урала.

Кроме того, по некоторым данным, в поселке поселились ссыльные каторжане.

Потомки этих первоначальных засельщиков и получили кличку «бергалов».

В начале на руднике брали серебро и свинец. Добыча производилась самым примитивным способом. Но все же предприятие не могло не приносить прибыли: крепостной труд оправдывал все убытки.

Крестьяне постепенно превратились в горнорабочих, и в конце восемнадцатого, к началу девятнадцатого века здесь сложился своеобразный, до-

вольно таки кошмарный быт, остатки которого дают о себе знать и посейчас.

Надо сказать, что до недавнего времени, точнее до проведения англичанами узкоколейки, соединяющей рудник с Усть-Каменогорском, Риддерск находился в совершенно изолированном положении. В этот край мало кто заглядывал, торговые тракты лежат вдалеке.

Горы, руды, люди...

Согласно положению, казенные крестьяне-горнорабочие обязаны были жить безвыездно на том руднике или заводе, к которому были приписаны. К обязательным работам привлекалось все мужское население с восьмилетнего возраста. Дети зимою посещали заводскую школу, а летом работали на разборке, т.-е., на поверхности. Разбирали и сортировали руду.

Надзор за рабочими был строг и распространялся даже на домашний быт. Следили за тем, как проводит рабочий свой досуг, усердно ли молится и т. д. Но, несмотря на это отческое попечение начальников, а скорее всего благодаря ему, рабочие то и дело бежали с рудников. Кто уходил на Уймон, либо на Бухтарму, кто бежал за границу, в Китай, а кто просто скитался по горам, занимаясь грабежом и охотой...

На чем держалось предприятие, ясно показывает тот факт, что с отменой крепостного права рудник прекратил свою деятельность.

Снова начались работы лишь в 1887 году, когда случайно обнаружили на Риддере золото. Если бы не золото—рудник бы не ожил. До конца века по-маленьку и брали золото, казавшееся более выгодной добычей. Но в общем, к девятисотым годам рудник снова оказался заброшенным.

Жители поселка постепенно вернулись в первобытное состояние — снова окрестянились. Хотя крестьянами они себя не называли, они величали себя, в отличие от крестьян, живущих в других поселках, обывателями. Соседи, очевидно, завидуя такому званию, кликали риддерцев «бергалами».

Посетившая Риддерск в девяностых годах прошлого века, член Западно-Сибирского Отдела Географического Общества М. Швецова пишет:

В наследие от прошлого подневольного существования современный риддерец получил равнодушие к комфорту, которое сказывается в самом убранстве домов, большею частью лишенных цветов, занавесок и прочих украшений, столь свойственных крестьянским домам; необщительность и угрюмость, вернее, какую-то сумрачность характера... Эта сумрачность выражается даже и в самих развлечениях их. Пьянство продолжает быть главным, почти единственным развлечением и также имеет мрачный характер: по улицам лишь очень редко можно увидеть толпы гуляющих и поющих обывателей; большинство сидят в кабаке или ходят друг к другу, и редко попойки обходятся без драки и ссоры. Пьют все: взрослые, и дети, и мужчины, и женщины, и замужние, и девушки...

Такая же приблизительно картина наблюдается и посейчас.

Еще заметнее влияние того же прошлого отражается в грубости нравов,—пишет дальше Швецова.—Отношения супругов между собою и родителей к детям часто поражают своей зверской жестокостью. Местный полицейский отдел завален делами об истязаниях.

(Записки Западно-Сибирск. отдела Русск. Географич. общества. Кн. XXV. 1898 г. Омск).

Затем Швецова приводит ряд фактов о том, как молодой рабочий избил до бесчувствия возжами свою жену за то, что та не доварила кашу, о том, как дочь застрелила своего отца за то, что он не позволял ей «гулять».

С тех пор прошло тридцать лет. Но мне в советском Риддерске пришлось выслушать немало историй, до того похожих на описанные Швецовою, что не хочется их и рассказывать.

Такова судьба горных людей—бергалов.

Слякотно. По грязной улице верхом на коне едет баба. Некрасивая, грубая. Горная баба. Пробираясь по тропинке вдоль заплотов, идет парень в финке, с киркою через плечо. Увидел бабу, усмехнулся. Запел:

По Сибири бугры, ямы,
Золотой мой, золотой!
Все девченки здесь упрямы,
Не качай, брат, головой!

Баба оглянулась, сплюнула. Ударила прутиком лошадь и поскакала дальше. Слякоть. Дома серого, ноздреватого от старости дерева. Много десятиле-

тий назад деды современных бергалов выстроили эти дома. И это своеобразно отразилось на судьбе внуков—современных обитателей поселка. Но об этом ниже.

3. От чуди до советов

Двадцатый век пришел в Алтай в образе иностранца. Русское правительство, отчаявшись добывать руду своими примитивными способами, решило устроить общедоступную распродажу гор. Заглянули на Алтай концессионеры—австриец, князь Турн-и-Таксис, различные английские и французские капиталисты.

Заграничные геологи присмотрелись к алтайским месторождениям руд и благосклонно промычали:

— Д-да, ничего!

Разведка дала весьма благоприятные результаты. Выяснилось, что риддерская руда—руда высокоценная, комплексная, включает в себе и золото, и серебро, и свинец, и цинк.

В 1912 году риддерское месторождение руд было сдано в концессию англичанам сроком на семьдесят два года. Теперь Риддерском владела кампания, которая, кроме Риддера, эксплуатировала и Экибастузские копи, лежащие вниз по Иртышу, у города Павлодара.

И если русское правительство в методах обработки руды не пошло дальше чуди, англичане по-

ставили себе целью развить дело так, чтобы с окончательным оборудованием предприятия добывать в год до 2.000.000 пудов цинка, до 1.000.000 пудов свинца и попутно извлекать драгоценные металлы.

Русские плавил руду, англичане решили разлагать ее химически.

Англичане наметили: Риддерский район добывает руду и разделяет ее на свинцовый и цинковый концентраты в специально-оборудованной обогатительной фабрике. Подвергать же концентраты металлургической обработке предполагалось уже в Экибастузе.

Англичане быстро и по дешевке построили узкоколейку от рудников до пристани Усть-Каменогорск и, таким образом, соединили Риддерск с внешним миром.

На рудниках соорудили небольшую обогатительную фабрику.

Фабрику эту советские инженеры снесли и построили новую, лучшую. А узкоколейкой английской мы пользуемся еще и посейчас, хотя она и трещит по всем скрепам, и устарела, и не удовлетворяет потребностей рудников. Но... не дошли еще руки. А пора бы.

На Экибастузе англичане начали строить свинцово-плавильный и цинковый завод, но до конца построек не довели.

Закончить постройки и извлечь от концессии прибыли помешала революция. В 1917 году концессионеры вынуждены были оставить Риддер и ушли, затопив шахту.

Работали у англичан преимущественно местные рабочие.

— Ну, как жилось при англичанах?—пробовал расспрашивать я стариков.

— Да как сказать,—отвечали бергалы.—Ведь вам вот скажешь, так вы не поверите.

— Валяйте, рассказывайте.

— Как я забойщик, так значит... Ну, в общем, так.

— Да как? Хорошо или плохо? Платили-то хорошо?

Разговор происходил в присутствии конторских служащих. Старики переглядывались и вздыхали. Вдруг один из них нашелся.

— Спросите, товарищ, баб. Мы-то на войне были. Германской. Больше то у англичан, ведь, бабы работали. Мужик на войне, баба на работе...

И старики, довольно пыхтя, улизнули из конторы.

— В чем дело?—спросил я смеющихся служащих.

— Ловко увильнули старики,—ответили мне.— На бабах выехали. Они боятся говорить, понимаете. Стесняются. Сказать, что плохо платили

англичане—нельзя. Сказать, что хорошо—стесняются—неприлично про концессионеров хорошо говорить. Вот они и виляют. Но они врут. Верно, при англичанах много женщин работало и детей много,—наши законы о труде тогда не действовали,—на постройке вот этого самого заводууправления, говорят, около двухсот детей работало. Десятилетние, двенадцатилетние по колониальному методу. Но и мужчин было достаточно...

В последние годы империи появился на руднике слесарь Степан Дмитриевич Шишкин—анархист. Был он риддерским уроженцем, но долго пропадал в чужих краях и лишь в конце 1915 года явился домой из Семипалатинска, с намерением организовать массы. Шишкин собрал вокруг себя группу рабочих человек в пятнадцать.

Мне удалось побеседовать с одним немолодым уже рабочим, входившим в шишкинскую организацию.

Мы сидели в столовке и пили чай.

— Что ж обещал вам Шишкин, организуя вас в группу?—спросил я.

— Обещал, что в скорости случится,—задумчиво ответил мой собеседник. — Утверждал — «Не платите налогов». Перед самым концом забрали его и увезли в Усть-Каменогорскую тюрьму. После революции вернулся. Анненковцы пришли, а он: «Всякая власть — рабство». — Снова забрали и увезли

его с ним парней некоторых. Трех в пароходном котле сожгли. Но опять же Шишкин спасся.

— Что вы об Анненкове скажете?

— Об Анненкове? Так што! Не расстреляли его.

— Почему вы думаете?

— Потому, что в Москву увезли. Это мы знаем.—И, помолчав, бергал добавил:—Видишь ты, сибирских людей он не обожал. Сибиряки ему поперек горла стояли. Сам российский. Российский он сам.

— Ну, а Шишкин что?

— Ничо. Ловок он был из тюрьмы бегать. Да на счет налогов разъяснять. При советской власти помер. Недавно. Паралич его разбил нервный.

— Как при Колчаке жилось?

— Рудник стоял. Вздорожало все, а потом и во все не стало ничего. Деньги были, но крестьяне почему то их вовсе не брали...

— Так. Вы были в шишкинской организации? Вы анархист?

Мой собеседник посмотрел на меня сердито.

— Происходим мы из ссыльных. Дедушка мой прислан на каторжные был в Сибирь. Затем хлебопашеством занялся. Раньше хлеб тут родился. Отец мой работал на руднике. Я—тоже. Вот мы кто...

С 1912 по 1925 год Риддер стоял на консервации. Правда, с 1923 года производились на Риддере опытные работы по электролитическому извлечению цинка,—эти работы практического значения не имели. Но к этому времени окончательно выяснилось, насколько велики богатства Риддерских месторождений.

«Выявленные к настоящему времени запасы полиметаллических руд на Алтае исчисляются в 9,940 тысяч тонн»,—пишет инженер К. Тульчинский.—«По отношению ко всем запасам СССР, Алтайские месторождения составляют 54 проц., в том числе Риддерские—22 проц.»

Когда советские инженеры пришли на Риддер, чтобы начать настоящую работу по восстановлению предприятия, оказалось, что все технические приспособления англичан безнадежно устарели.

4. Путь руды

— На Риддер, нами, Алтполитметаллом, затрачено уже около восьми миллионов рублей,—говорит инженер.—После англичан остался хлам. Мы переоборудовали все. Построили новую обогатительную фабрику, достраиваем мощную электростанцию. Все делается по последнему слову техники. Так сказать, прыжок через Европу. Из Азии прямо в Америку. Ну, полезем в шахту!

Клеть с мягким скрипом идет вниз. Под лучами наших лампочек тускло мерцает плывущая вверх

стена. Сверху здорово каплет. Я не надел шахтерской шляпы—течет за шиворот. Но вымокнуть, как следует, не успеешь — спуск в Григорьевскую шахту недолг, глубина ее не превышает семидесяти метров.

— Седьмой горизонт! Выходите.

Площадка освещена электричеством.

— О, электричество!

— Да. С пуском Харьюзовской гидроэлектростанции электрифицируем всю шахту.

Гул. Гудят насосы. Из глубины доносится ровный несмолкаемый грохот механического бурения.

По штреку мы направляемся в забой. Я не бывал раньше в шахтах. Почему-то казалось, что там обязательно должно быть очень душно, тесно, грязно. Может быть, Григорьевская шахта на Риддере—приятное исключение, но, во всяком случае, ее широкие и просторные выработки меня приятно поразили.

Из пещеры, под потолком которой нависали грубо изрубленные породы, мы пролезли в черную дыру, ведущую куда-то вбок.

— Сейчас я покажу вам «скварсет»—американскую крепь,—сказал инженер.

Каменный мешок. В нем деревянный сруб, полунаполненный глыбами породы. Толстые устои упираются в потолок.

Все полое пространство, где мы стоим, было заполнено рудой. Когда добычу руды в слое закан-

чивают, приступают к постройке деревянной клетки и заваливают ее пустой породой, получив, таким образом, новую платформу для работы, «этажом выше». Когда закончат выработку и этого верхнего слоя, в выдолбленном вновь пространстве снова построят клетку и снова заполнят ее породой. Вот основной принцип американской крепи. Массивно, безопасно, солидно. Нет оснований бояться обвала.

— Хотя шахтеры поругиваются. Говорят, лишняя работа. Забыли, как их в прежние времена заваливало. Старики помнят, а молодые...

Мы выбираемся из каменного мешка. Шахтеры в брезентовых негнущихся штанах и шляпах, похожих на зюд-вестки, копошатся у стенок забоев. В темных углах качаются желтые пятна лампочек. Кое-где мерцают огоньки папирос.

— У нас газов нет. Курите.

— Воздух у вас чистый. Не чувствуется, что мы на тридцать сажень под землей. Гора не давит.

— Да, вентиляция налажена прилично... Что же вы удивляетесь. Говорю вам—у нас все по последнему слову техники. Не можете поверить, что в России это возможно?

Откуда-то из-за холма наломанной руды выплывает грязно-желтая физиономия. Казак.

— Табарищ анджанер!

Из двухсот шахтеров, работающих на этой шах-

те, приблизительно треть—казаки. Есть среди них и забойщики.

— Сколько руды добывает шахта в сутки?

— Около ста тонн. Столько, сколько может ныне принять обогатительная фабрика.

— А надолго хватит шахты?

— Надолго. Работа только начата.

Мы идет назад. В штреке кое-где сыровато.

— Осторожнее ступайте,—предупреждает инженер.—Шахта еще не вполне осушена. В прошлом году было и вовсе мокро. Ведь она была затоплена.

Скрипит клеть. Мы поднимаемся наверх. Признаться, не испытал я ощущения глубины там, внизу.

Добытая в шахте руда подается на обогатительную фабрику. Прежде чем перейти туда, беседую с заведующим горными работами А. А. Шалимовым.

— У вас много казаков на работе. Есть даже забойщики,—говорю я.

— Забойщики? Это святое слово,—довольно мрачно ответил Шалимов.—Есть, есть у меня дельные казаки. Когда еще до революции работал я на Экибастузе, много мне пришлось потрудиться над квалифицированием казаков. Теперь здесь, на Риддере, встретил старых знакомцев. Поставил их на работу. Да. Но только... рабочие, как русские, так и казаки, за последнее время, за годы разрухи,

стали нередко претендовать на слишком многое. Все забойщиками вдруг стали! Да!—Я, говорит, восемнадцать лет в шахте работал. Значит, я все изучил, значит, я забойщик. Голубчик! Дело не в том, сколько времени ты работал. Для спасения предприятия надо выработать вы-со-ко-квалифицированную силу. Вот что!.. Многих забойщиков пришлось раз-вен-чать.

И, излив душу, Шалимов продолжает уже спокойно:

— На Риддере, знаете, не место различным выкрутасам. Тут работа идет в боевой обстановке. Посмотрите, как работают наши молодые инженеры. В большинстве, надо сказать, это питомцы ваших сибирских вузов. Как они работают. Праздников, конечно, не признают. Горячо работают. За год на Риддере произведен полный технический переворот. И ясно, что здесь трудовую дисциплину приходится держать крепко.

Примитивно оборудованная весьма обветшавшая английская обогатилка пошла на слом. Новая же обогатительная фабрика—это механическое детище советского Риддера—была пущена в ноябре 1926 года.

За первый год фабрикою было переработано 9.000 тонн руды и получено 4.000 тонн концентрата. Это был первый опыт, это мало, но это—столько, сколько было выработано англичанами за последний год их пребывания на Риддере.

По плану на 1927—28 год было намечено переработать 30.000 тонн руды, что дало уже 12.000 тонн концентрата.

Что, собственно, делает обогатительная фабрика?

Обогащение руды посредством химической обработки сводится к тому, что руда разделяется на две части: одну—богатую свинцом, другую—богатую цинком.

Риддерская руда—руда полиметаллическая, комплексная; попросту говоря—богачейшая руда. Она включает в себе процентов пятнадцать свинца, процентов двадцать пять цинка, золота—до двадцати грамм на тонну и серебра—свыше 110 грамм на тонну. Остальное—пустые породы: кварц, глинозем, известняк...

Разрабатывать руду примитивным способом—плавкой, значит, выигрывая на одном, терять на другом. Обогатительная же фабрика дает возможность разделять руду на части так, чтобы ничего не пропало. Для этого нужно превратить руду сначала в пульпу, затем в пену и, наконец, в сухой концентрат.

Инженер Ясюкевич—человек небольшого роста. Он носит кожаную тужурку, гетры и круглые роговые очки. Делу он предан. Специально учиться ездил в Америку, чтоб построить обогатительную фабрику на Риддере по всем правилам строительного искусства.

— Фанатик,—говорят про него товарищи почти-
тельно.

Ясюкевич обычно говорит тихо. Но, когда он на фабрике, голос его вдруг становится необыкновенно громким и четким. Здесь он—начальник реву-щих машин. Людей на его предприятии мало. Процесс работы механизирован, насколько это было можно сделать в современных условиях. На обога-тительной всего 75 рабочих и работают они в че-тыре смены. Их и мало заметно.

Единственная ручная операция на фабрике—это подача руды лопатами в дробилку. Но скоро и по-дача руды будет производиться по конвейерной системе.

Оглушительно рокочут барабаны мельниц и дро-билков. Измельчаясь, руда превращается в пуль-поталькообразный порошок, смешанный с водой. Пульпа проходит через сито в двести меж, сторона каждой клеточки которого равна одной двухсотой дюйма. Вот как измельчается руда.

—Мельницы Гардинга,—звонит голос инжене-ра.—Сейчас мельничное отделение вырабатывает до девяноста тонн в сутки, скоро поставим еще мельницы Марса, тогда доведем выработку до ста тридцати пяти тонн.

Такой рокот, а голос инженера слышен прекрас-но. Ну и голос!

Пульпа в дальнейшем обрабатывается реагента-ми—содой, циан-кали, куноросом для того, чтобы

сделать один из минералов, заключенных в руде, флотируемым, т.-е. способным всплывать вверх с пеною, вздуваемой посредством воздухомоторных машин.

— Флотация! Пневматическая система Калло!

Где-то вверху работают воздухомоторные машины, а у наших ног в громадных бассейнах пульпа вздувается и поднимает вверх пену—будущий концентрат. Дело в том, что при металлургической обработке свинец и цинк взаимно мешают друг другу, и потому надо делить их на два концентрата, что и выполняется посредством флотации.

Когда пена оседает, концентраты обезвоживаются, сгущаются и принимают окончательный вид—свинцовый концентрат заключает в себе 45 проц. свинца и 17 проц. цинка, цинковый концентрат—42 проц. цинка и 8,5 проц. свинца. Золото и серебро, заключенное в руде, выделяют из концентратов после. Странно подумать: золото и серебро заключено в порошках, из которых один черный, а другой чуть-чуть посветлей, но оба похожи на какую-то испепеленную ваксу.

Свинцовый завод достраивается. На склоне горы, еще в лесах, стоит недавно воздвигнутое аггломерационное отделение. Пока же концентраты поступают во временку. Там концентрат, смешанный с известняком, железной и окисленной рудами и другими материалами, запекается в печах. Тогда получается сплав—аггломерат, который не-

опытный человек может принять за глыбы кокса. Эти глыбы идут в ватержакет, огромную печь с водяным охлаждением. Здесь аггломерат перерабатывается в «веркблэй», металлический свинец с некоторыми примесями. В сутки свинцовый завод вырабатывает пока что до 15 тонн свинца.

В рафинировочном отделении веркблэй будет превращаться в чистый свинец, и попутно будет добываться металл Дорэ, заключающий в себе 15 проц. золота и 75 проц. серебра. Попутно. Нынче, говорят, на первом плане свинец.

Цинковый концентрат идет за границу. Дело в том, что в СССР нет пока что ни одного цинкового завода. Первый будет на Риддере. Он уже строится, даже больше, он уже дает одну тонну цинка в сутки, но это, конечно, лабораторная работа.

Из цинкового концентрата выделяют серу и превращают ее в серную кислоту. Остающийся обожженный концентрат растворяют в слабом сернокислом растворе и очищают от примесей. Затем через раствор пропускается постоянный ток, и на катодах выделяется химически чистый цинк.

Цинковый завод сможет начать настоящую работу лишь тогда, когда будет пущена Харьюзовская гидроэлектростанция. С ее пуском разрешится не только вопрос о заводе, но и усилится деятельность обогатительной фабрики. Словом, как говорят на Риддере, «Харьюзовка заткнет все дыры».

Существующая сейчас паротурбинная электростанция слишком мала и дорога. Одно топливо, которое идет для нее с Кузбасса, влетает в копеечку...

Харьюзовская станция почти достроена. Она бы работала уже сейчас, но подвело Балтийское море. Пароход, с которым шли некоторые машины, затонул в Балтийском море во время шторма. Пришлось выписывать новые машины. Вот почему задержка.

Для харьюзовской станции использована энергия горной речки Громотухи, название которой говорит само за себя. Громотуха гремит, ворочает камни, буйствует. Электрическая река—зовут ее рабочие. Плотину на речке построить нельзя, — у Громотухи подвижное дно, притащит сверху камень—вот и плотине конец. Пришлось отвести ее бурный поток в канал. Канал грандиозный, тянется он на четыре версты и подает воду в напорный бассейн, откуда, через трубопровод, вода идет крутить турбины станции.

Я помню, как, поднявшись по металлической лестенке из бетонного колодца напорного бассейна, мы—я и заведующий работами—взглянули вниз, в долину, где расположена станция.

— Сила плененной воды настолько велика, что, если бы не во-время поднять щит бассейна, все—и станция и постройки поселка—было бы смыто гигантской волной. Но это предусмотрено. Клапан

медленного наполнения не позволяет поднять щит до тех пор, пока трубопровод не полон водой...

Харьюзовская электростанция даст 3.000 сил.

— Этого хватит лишь на первое время.

— Дыры заткнуть?

— Именно. Риддеру суждено расти. Ему скоро понадобится электростанция не в 2.500 киловатт, а в 12.500. Вот начнутся работы по электролизу цинка... Вы поймите, если в СССР говорят о свинце и цинке—значит говорят о Риддере. Риддер—опорное предприятие. Он должен уничтожить русский импорт свинца и цинка.

5. Битва быта

Пришлось мне в Риддерске наблюдать беспорядки, массовое скопление рабочих,—демонстрацию, сопровождаемую угрозами.

В зловещих сумерках раздавалась русская и казакская брань. Высокими нотами звучали истерические голоса женщин. Дело в том, что клуб был переполнен и не мог вместить толпы запоздавших. А посмотреть на новый занавес—подарок ЦК горнорабочих—хотелось всем.

Рабочие... Всего в Риддерске обитает около пятнадцати тысяч человек. Из них «обывателей», коренных риддерцев, тысяч шесть. Остальные—наезжие рабочие, русские и казаки. Русских, конечно, подавляющее большинство.

Для того, чтоб присмотреться к рабочему, хоро-

шо посидеть в заводоуправлении утром после праздника. То и дело хлопает дверь и входят посетители. Кто держит в руках заявление, кто меланхолически засунул руки в карманы, кто держит руки наготове для убедительной жестикуляции.

— Авансик бы мне. Рублей хоть десять...

— Что? Да вы же, товарищ, три дня назад, перед праздником, имели получку.

— Так, перед праздником...

— Гулял?

— Ну, было маленько. Праздник же, товарищ заведующий. Ты уж дай. Жена ругает...

— А тебе что, Иванов? Тоже авансик?

— Нет, товарищ заведующий. Вот, понимаешь, хозяин с квартиры гонит, проклятый бергал. Должно быть, богаче квартиранта нашел, спекулянт...

— Так. Разберемся.

— Табарищ завидующий! Расчет дай.

— Ты ж только недавно нанялся, Галибеков. Что тебе у нас не понравилось?

— Уй, зачим не понравился. Понравился. Ишшо потом приду. Свой аул пойду. В степь.

— Шатала ты, Галибеков.

— Пажалюста, табарищ завидующий!

— Ну ладно. Ты кончал, хозяин?—нетерпеливо говорит пожилой рабочий («хозяин» — одно из иронических обращений к казаку. Кто в Казакстане хозяин?—Казак).

— Вот что, товарищ заведующий. Просьба кол-

лектива: уберите из нашего барака эту бабу-уборщицу. Из-за нее же все ножами порежутся.

— Быт у нас сложный, — жалуется помощник заведующего предприятием. — Нормальные отношения между рабочими и крестьянами, какими должны быть... А у нас? У нас бергалы — не поставщики хлеба да сырья разного, но кровопийцы-домохозяева. И отношения между рабочим и крестьянином — отношения между хозяином и квартирантом — не больше.

Бергалы это прекрасно сознают и пользуются этим. Из их среды работает на предприятии всего двести человек, а остальные сидят в поселке и «жмут соки». Бергал не пустит рабочего на квартиру за 8—10 рублей. Нет. При существующем квартирном кризисе он тянет 15—20 рублей. А средний заработок рабочего рублей 60.

Характерно, что бергалы, наживая порядочные деньги, не строят новых домов. Казалось бы, это выгодно—построить новый дом, пустить еще квартирантов. Но бергалы учитывают и другое обстоятельство: построишь много домов — уменьшится квартирный кризис, цены упадут. Драть будет не с кого.

На жилищное строительство в Риддере затрачено уже свыше 650 тысяч рублей, но этого, оказывается, мало. А шире пока что предприятие развернуть дело не может. Не поспевает из-за основного строительства, нехватает рабочих рук.

Рудник укомплектован рабочими со всех концов СССР. В общем, состав рабочих весьма пестрый и в социальном отношении не отстоявшийся.

В историю Европы вошли гунны. В историю Риддера войдут плотники из Барнаула. Подобно гуннам, ордою нахлынули они на Риддер в 1925 году. Ознаменовали свое прибытие колоссальным пьянством, дракою, поножовщиной.

— Ужас был!

— Как же вы с ними справились?

— Половину пришлось уволить. Остальные остыли и стали работать...

Большинство рабочих приехали с семьями. Брачных союзов между местными жительницами и приезжими рабочими пока мало. Еще меньше браков с кержачками. Вообще с местным населением у рабочих связь не ладится, хотя влияние рудника распространяется далеко окрест. В заготовках леса, сена и овса для предприятия принимают участие крестьяне, живущие за двести, двести пятьдесят верст.

Драк на Риддере сколько угодно. А грабежей и воровства нынче нет.

— С квартиры у нас ничего не утянут, — сказал мне один местный житель. — Нет такого обычая. А вот на квартиру тянут, что попало. С предприятия. А почему? Рынка у нас нет. Ни гвоздя, ни доски не купишь. Ну, вот и приходится тащить государственное.

Не всякий рабочий долго уживается на Риддере.

Крепко обосновались здесь лишь рабочие основных квалификаций — забойщики, машинисты, токари.

Эти профессии почти не дают движения. Зато чернорабочие землекопы «текут» безудержно. Состав их обновляется за год почти целиком.

Поступит человек, подработает немного и — хватит, — давай расчет.

Особенно непоседливы казаки. Сцена, которую я наблюдал в заводоуправлении, оказывается, весьма обыденная, чуть ли не ежедневная сцена. Недолгие гости казаки на Риддере.

Почему так? Этот вопрос весьма тревожит некоторых профработников. Почему казаки не уживаются на Риддере? Может быть, условия существования для них там особенно плохи?

Риддер находится на территории Казакстана И, надо сказать, к казакам, как к отсталой национальности, на предприятии относятся особенно внимательно. Стараются поставить их на работу, привить вкус к работе, сделать из них пролетариев.

Но нелегкое это дело. Вот один довольно характерный факт. Проводилось на Риддере сокращение. Сокращали преимущественно русских, старались сохранить за казаками место на предприятии. И что же? Через месяц, очень многие казаки, спасенные при сокращении, ушли сами.

— Весна. В аул надо. В степь пора. Деньги есть,

кумыс есть, мясо есть—чего надо! Осень придет—казак на гору придет.

Не легко за год—другой превратить степного номада в пролетария.

Кроме того, казак вообще предпочитает горам степь. Весной этого года прошел слух о том, что возобновляются работы на Экибастузе. Многие казаки взяли расчет — потянуло туда в степь.

Рабочие философствуют:

— Казак хуже бергала. Липовый пролетарий. Бергал разорится, скажем, и работать станет. Работать он умеет. Это нынче он на квартирах спекулирует, а лиши его дома — снова на шахту придет, как отцы его и деды... А казак? Казака не разоришь. Оставь его голым—в степь уйдет, юрту построит, и ничего ему больше не надо.

— В чем проявляется на Риддере пресловутая национальная рознь, о которой любят толковать панически настроенные докладчики в Семипалатинске? — осведомился я у лица, имеющего непосредственную связь с казакским населением поселка.

— Кой в чем проявляется. Например, вот: казаки обеспечены хорошими квартирами. Но пользоваться уборными зачастую не умеют, не привыкли. У них вокруг дома уборная протянута. В дом не войдешь, чтобы не запачкаться. Из-за этого ссоры с русскими.

Еще конфликт. Из-за ручья. На этом ручье рус-

ские берут воду, а казаки приноровились полоскать в этом же ручье грязное белье, портки...

Русские в отместку усеяли ручей и его окрестности кусками свиного сала. О сем факте говорилось с большим негодованием на девятой партконференции в Семипалатинске. — «Вот, мол, травля казаков на Риддере». — А на Риддере пожимали плечами и ругали и тех, и других.

Лучше, чище живут те казаки, которые женаты на русских женщинах. В таких случаях ясно замечен процесс обрусения.

Раздоры—явление временное. Несомненно, многие культурные навыки не привьешь за год. Но мы знаем, что сто двадцать пять передовых казаков с Риддера теперь отправлены на курсы, на советскую работу... А пришли они сюда несколько лет назад такими же полудикарями, как и те, что сейчас устраивают кольцообразные уборные вокруг своих жилищ. Теперь предприятие на смену ста двадцати пяти ушедших казаков обрабатывает и отесывает триста новых пришельцев из степи.

Так идут дни. Шумит рабочий поселок. По вечерам и русские и казаки идут в клуб слушать радио из Новосибирска и Москвы, читать газеты двухнедельной давности — газеты русские и казакские.

Полна народом и столовая Церабкоопа — клуб номер два. Там тоже громкоговоритель, и вечерами, под звуки хрипловатой музыки, прилетевшей из-за тысячи верст, русский и казак едят рав-

ноправно, с тарелок, ножами и вилками, какое-нибудь кушанье с мудреным ресторанным названием.

— Дайте мне... как его... это вот шни-цель.

— А мене, пожалуйста... тоже.

В поселке электричество, радио... А вокруг поселка хмурые, туманные горы, поросшие хвойным лесом. В этих горах нетронутые богатства. И стерегут это богатство странные горные люди. Кержаки, беспоповцы, стариковцы, люди какой-то загадочной австрийской веры и просто староверы.

Все они поглядывают на Риддера косо и утешаются лишь одним:

— В 1933 году будет светопредставление, все провалится и — напрасно стараются инженеры...

6. Люди обратного пути

Везжая из Риддера во время осенней распутицы, каждый человек, даже самый легкомысленный, неизбежно должен заняться разрешением вопроса государственной важности, а именно, вопроса о соединении Риддерска железнодорожной колеей с магистралью.

Падает снег, тает, снова падает, слабо тает... Грязь по колено, без сапогов — гибель.

— Вы собираетесь в Семипалатинск? Как же вы туда попадете? Из Усть-Каменогорска выехать трудно. Распутица. Застрянете, пожалуй. Вот если бы железная дорога...

Железная дорога, соединяющая Риддерск с Сибирью, будет выстроена в ближайшие годы. Без нее Риддер не сможет подавать стране больше 5.000 тонн свинца в год. Это — капля.

Дорога скорее всего свяжет Риддерск не с Семипалатинском, но непосредственно с Рубцовой в Сибири. Риддер — Змеиногорск — Рубцовка вот кратчайший и экономически выгоднейший путь. Вариант Риддер — Усть-Каменогорск — Семипалатинск отпал вовсе. Слишком большой крюк, слишком бедный край. Сторонники этого варианта ставят на вид то обстоятельство, что уже существует дорога Риддер — Усть-Каменогорск. Но оказывается, что привести в порядок эту обветшалую ветку будет стоить столько же, сколько стала бы постройка новой дороги на это расстояние. Вариант же Риддер — Рубцовка самый дешевый и краткий — имеет массу преимуществ: он даст Риддеру возможность бесперебойно получать топливо и железную руду с Кузбасса.

Риддеровцы высказываются за этот вариант. Называют его «выходом на Сибирь».

Усть-Каменогорск осенью отвратителен. Грязь и глушь. Я с удовольствием его покидаю. Как меня предупреждали, так и вышло. С лошадьми было много хлопот.

Начальник почтовой конторы, напыщенно разведя руками, сообщил:

— Усть-Каменогорск большой город. Если мы будем всех желающих возить на почтовых лошадях, на чем же будем возить почту? На себе? Усть-Каменогорск большой город.

Большой город...

Главный упырь — содержатель ямской станции Загозин, сидел дома и, окруженный ямщиками, пил водку. Толстый и красный, он сказал:

— Восемьдесят рублей.

— Что? А сорок не хотите.

Упырь и его приспешники захохотали.

— Гражданин! Хотите — сидите, хотите пешком идите, — сказал упырь. — За шестьдесят рублей меня умаливают езжать, но я не ездаю. Распутица.

Впрочем, нашелся в городе свой человек, журналист, и нашел мне ямщика за пятьдесят рублей.

— Поезжайте, это недорого.

И я поехал.

К вечеру каменные горы осели за горизонт. Ехали мы довольно быстро. Дорога шла вдоль иртышского берега. В сумерках остановились покормить лошадей в поселке Таврическом у русского казака. В чистой казачьей избе пили чай. Я рассматривал узор на фасаде печки и слушал, что говорит хозяин. Казак был настроен скептически.

— Вот, — говорил он, — разделяют опять по

сословиям. Казаков отдельно селят, крестьян отдельно. Чтоб не царапались. Также слух прошел, что снова нас на казачье положение поставят. Только, шалишь, я на коня не согласен. Раз я казак советский, давай мне не коня, а мотоциклет. Это по-советски будет. А конь — старый режим.

Узнав, что я из Омска, казак улыбнулся.

— Разве под Омском казаки!

— А что?

— Так... Второй отдел... известно, какие они казаки. Проходили мы там, видели. Ленгяи, пьяницы, работать не любят. Вот мы, третьего отдела...

И казак начал хвалить третий отдел.

— Склочный ты человек, Архипыч, — сказал мой ямщик. — Самокат тебе. И все вы тут такие, черти. А живете вы тут богато, верно. Что верно, то верно.

Прощаясь, казак хитро улыбнулся.

— Так Анненка, говоришь, расстреляли? Врут, не расстреляли. В Москву увезли. Такого человека, козыря такого расстрелять! Что ты, что ты!

На заре мы проехали замечательно красивое место — Убинский карьер, что напротив Убинского форпоста. Убинский карьер — горы, невысокие, крутые, совершенно голые, играющие в лучах восходящего солнца спектром оттенков минеральной ржавчины. На склонах гор ютятся каменоломни. Здесь берут камень для быков железнодорожного моста в Семипалатинске. На рассвете это место

показалось мне прекрасным. У подножья фиолетовых, коричневых и зеленых утесов сухо шумели ярко-желтые заросли чия. Рядом, обходя мыс, голубел холодный Иртыш. Пробираясь вдоль гор, мы достигли аула. Из зимовки вышел старый казак.

— Как зовется аул?

— Биг-Кудук, — ответил старик.

— «Вшивый колодец», — перевел ямщик. Нет! Для такого красивого места название неподходящее. Надо переименовать.

В русских деревнях, на заезжих дворах, было грязно, дымно и мерзко. Женщины колупались в ребячьих головах. Старик рассказывал неприличную сказку, парни гоготали и, гримасничая, растолковывали смысл сказки девкам.

— Почему у них так грязно? — спросил я у ямщика.

— Переселенцы, — ответил он неопределенно.

В деревнях осведомлялись:

— Откуда едете?

— С Риддера.

— А! А где этот Риддер-то!

— В Алтае.

— Алтае. Это што?

— Горы. Неужели не знаете? Живете почти рядом, а не знаете.

— Не. Горы знаем. Так бы и сказали, что горы.

— А то Алтай!

К вечеру второго дня, когда мы подъезжали к реке Чар, небо покрылось тяжелыми серыми облаками. Потемнело. Потеплело. Подул ветер. Вскоре воцарилась такая непроглядная тьма, что перестал быть видимым и лошадиный хвост. Ямщик, ругаясь, ползал на четвереньках вокруг телеги и руками нащупывал дорогу. Все же Чар мы переехали благополучно. А через час после этого неожиданно поднявшаяся вода сорвала мостик. Опоздай мы немного, пришлось бы нам сидеть в ожидании не меньше суток.

У переправы через Иртыш натолкнулись мы на гурт бахтинского скота, ведомый в Семипалатинск. Скотогоны — казахстанские ковбои в брезентовых плащах и в помятых китайских контрабандных шляпах — сидели на корточках перед кострами и на трех языках — по-русски, казакски и китайски — проклинали паромщика, который не спешил с переправой.

Скотогоны поразили меня своей манерой разговаривать с казаками. По-русски скотогоны разговаривали грубыми резкими голосами. А с казаками они говорили по-казакски — мягким и даже нежным голосом. Я не разобрал, в чем тут дело. То ли особенности казахского произношения, то ли желание ладить с хозяевами.

Хлынул дождь. Паромщик на другом берегу Иртыша вовсе потушил огонек. Скот ревел, скотогоны ругались. Потеряв надежду переправиться

через реку, мы уехали на ночевку в ближайший аул.

В зимовке, тускло освещенной керосиновой лампой, мы пили густой чай с молоком и закусывали плоским казакским хлебом. Аксакал, узнав, что я из города, пожелал узнать, что такое «ки-ты».

— Ки-ты, ки-ты. Большой, плавает, рыба ест. Один урус сказал мне так, — повторял аксакал.

Я рассказал о китах все, что знал.

— О, — сказал седобородый. — В Ак-Тепныз нет его? А?

— Нет, в Балхаше китов нет.

— Жалко, — покачал головой аксакал и замолк, отодвинувшись ближе к печке. Вероятно, он мечтал о том, как хорошо бы было завести китов в Балхаше — киргизском море.

Снова пили чай. Я угощал хозяев сахаром. Они ждали другого — водки. Несколько раз заводили о ней разговор, но водки у меня не было.

Спать в зимовке я не решился. Я видел, как лежащие на кошмах казаки ожесточенно чесались во сне. Храпели и чесались. Нет ничего хуже, чем набрать блох.

На рассвете мы выехали дальше и утром были в Семипалатинске.

Так кончился путь. В поезде мои высокие сапоги и красная обветренная физиономия привлекли всеобщее внимание.

— Откуда вы едете? — спросила столично причесанная соседка.

— С Риддера.

— А это где?

— На Алтае.

— А что это такое — Риддер?

— Предприятие.

— А что там делают?

После дорожных передышек мне хотелось спать. «Риддер — опорное предприятие»... «русский импорт свинца и цинка»... «электролиз» — мелькало в сознании.

— А что там делают? — переспросила соседка.

— Дело! — сказал я невежливо и завалился на верхнюю койку.

1928

БУНТ ЖЕЛТЫХ ЖЕН

1. Город рос

На старых картах города Омска изображена крепость и прилегающие к ней форштадты — Бутырский, Мокринский, Слободской, — на левом берегу Иртыша значится: «Кочевья киргизов-кайсаков».

Ныне каменные ворота крепости караулятся лишь краеведами, но на левом берегу реки, в нескольких верстах от станции железной дороги и кожевенного завода, попрежнему стоят юрты кочевников.

Ежедневно киргизы приезжают в город. Верблюды, давно привыкшие к реву автобусов, спокойно ложатся на мостовую возле дверей «Акорта» или «Церабкоопа», прохожие идут, не замечая экзотических животных. Сибиряки привыкли. Но бывает и так: какой-нибудь заезжий человек из-за Урала останавливается поглядеть на верблюда. Верблюд капризен и обидчив. Завыв, он брыз-

жет желтой пеной в лицо зеваки, и зевака отступает, почтительно пятясь. А в это время в магазине рядом с дамскими шляпками мелькают цветные малахаи киргизов. Грязные люди в одеждах из шкур, с кнутах в руках, портят нервы продавцам, пытаясь торговаться из-за ломаного гроша.

Торг. Собственно на этом и кончаются взаимоотношения города и аула. Горожане не замечают киргиза — привыкли; не знают его языка — не зачем, пусть он научится говорить по-русски; не знают его быта. Но если бы этот быт показать горожанам в кинофильме, они бы, без сомнения, заинтересовались — у кассы стояли бы колоссальные хвосты, как это бывает, когда идут американские приключенческие боевики — дикарская любовь, похищение девушек, истязания имеют колоссальный успех у нашей публики. Заведующие кино-театрами могут это удостоверить.

Нам приходится иметь дело не с кино-сценариями, но с бытом. «Тем лучше», — скажет читатель, настроенный оптимистически. «Тем хуже», — мог бы возразить я. Но, в конце-концов, это был бы бесплодный спор. В чем дело? На левом берегу Иртыша, на некотором расстоянии от города, в пределах округа, граничащего с Казакстаном, живут киргизы. Живут они в аулах, носящих прозаические номерные названия: аул номер четвертый, аул номер шестой. Романтика тут совершенно не при чем. Экзотика? На взгляд иностранцев — по-

жалуй. Мы привыкли и не обращаем внимания. Совершенно не обращаем.

2. Суд аксакалов

Но однажды в редакцию омской газеты поступает письмо. Оно написано каракулями. В нем сообщается:

Спасите женщину Бибиш. Она жила с мужем в ауле. И вот, на девятом году совместной жизни, муж заподозрил жену в измене. Он созвал суд аксакалов (седобородых старцев). Он сказал:

— Жена изменяет мне. Что делать с ней?

Старцы начали совещаться.

— Я думаю так,—сказал один аксакал,—ночи весенние холодные. Не облить ли ее на ночь сорока ведрами холодной воды и не поддержать ли ее ночь на морозе?

— Нет,—возразил другой аксакал.—Нужно посадить ее нагую верхом на черную корову, лицом к хвосту, обернуть ей голову грязной кошмой и в таком виде возить по аулу!

— Не лучше ли жечь ей ягодицы каленым железом?—сказал третий.

— Можно просто бить ее толстыми палками,—заступился четвертый, более добродушный аксакал.

На этом, как-будто бы, и порешили. Бибиш сбегала в город. Одна из обрусевших киргизок из буржуазной городской семьи приняла в ней участие. Написала письмо в редакцию.

Надо признаться, описанные происшествия были для нас, газетчиков, новостью. В десяти верстах от города и такая штука! Решили пустить заметку.

Заметочка вышла скромная. Она приютилась на четвертой, «деревенской», полосе, где-то сбоку, за головок не был блестящ. В общем эта была незаметная заметочка. Излагался факт и затем следовало трафаретное заключение: «кто следует, должен обратить внимание».

Однако, результаты заметки сказались весьма скоро и более серьезные, чем мы думали. Прежде чем контролер достижений получил от следственных органов уведомление о том, что факт подтвердился, и самозванцы—судьи-аксакалы—привлечены к ответственности, мы получили ряд посланий из степи.

3. «Бейгама боится»

Первое послание привез старик. Совсем дикий, не говорящий по-русски вовсе. Старик был явно расстроен. Он торопливо и, как нам показалось, испуганно лопотал что-то по-киргизски и вертел в руках грязную бумагу. Старика сопровождал переводчик — городской киргиз Ибрагим.

— Старик хлопчет по поручению Бейгаймы, дочери своей, — пояснил переводчик. — Читай, товарищ, бумагу. Дочь его хотят похищать!

В бумаге, заявлении в окружную прокуратуру, Бейгайма Исхакова, киргизка одного из аулов Сосновского района, просила прокурора принять меры против плана похищения ее, Бейгаймы, от мужа в чужой аул. «Я боюсь, — писала Бейгайма,—

меня хотят похитить от живого мужа, которого я люблю. Один человек по имени Есипов, выдавая себя за «уполномоченного по перевыборам советов губкома ВКП(б), приехал, чтоб меня увезти к нелюбимому человеку, своему другу. Я не хочу, чтоб меня похищали и прошу прокурора принять меры».

— Так это заявление прокурору!

— Мы знаем, — отвечали киргизы, — но надо пропечатать и в газете, чтобы все читали. Как про Бибиш.

Так в газете появилась заметка «Бейгайма боит-ся». Указывалось, что на киргизские женские дела должен обратить внимание женотдел, что средневековые нравы недопустимы на территории Советской Сибири и так далее, и так далее. Между прочим, в заявлении Бейгаймы упоминалось о том, что в разработке плана похищения ее от мужа принимали косвенное участие «вековые» кулаки — братья Байбатыровы.

4. Братья Байбатыровы

Эффект получился необычайный. Киргизы на омских базарах, как говорится, рвали газету из рук продавцов.

— Уй! Байбатыровых, вековых кулаков Байбатыровых, припечатал «Рабочий Путь»! — кричали одни.

— Байбатыр припечатать не надо! Толку нет! Хитрый человек Байбатыр — с адвокатом зна-

ком!—пожимали плечами более солидные степняки, но газеты тоже брали.

Так за пазухами шуб, рядом с просаленными кошельками, номера газеты поехали в степь, на зимовья, в аулы.

И через несколько дней редакция получила первое опровержение от братьев Байбатыровых. Писал от имени всех братьев Байбатыров Мурик.

Прочитав заметку тов. Эльм (автор фельетона «Бейгайма боится»), я возмущен нападками, обвиняющими Байбатыровых в подаче ложных сведений против женской свободы... Бейгайма все лжет... Клеветников из газеты привлекаем к ответственности по статье 175 У. К.

Через день по получении этого письма редакцию посетила гостья-киргизка.

Эта молодая женщина отрекомендовалась бывшей женой одного из братьев Байбатыровых—немого Мукаша—Мариам.

— Я прочла статью о братьях, — сказала она. — Конечно, все это правда. Я знаю, что «Рабочий Путь» встал на защиту обижаемых киргизских женщин. Я хочу, чтобы вы и меня защитили от происков моего бывшего мужа—немого Мукаша—и его братьев: Мадена, Мукена и Нур-Мухамета, которые все вместе пятнадцать лет истязают меня. Мой отец — бедняк; тринадцатилетнею девочкой продал меня за калым немому Мукашу. Я не любила мужа. Пять лет тому назад (в 1922 г.) я хотела бежать от немого с любимым человеком —

юношей Увинькаем. Я думала: советская власть, можно! Но нас поймали, обливали на морозе холодной водой, а потом бросили в холодный амбар. Братья, заботясь о счастье немого Мукаша, сами творили надо мною самосуд. Нур-Мухамет черпал воду из колодца, а Маден и Муксн обливали. В третьем году я снова пыталась бежать в город, но меня вновь изловили и полторы недели морили в холодном амбаре. Прошлым летом я, наконец, бежала от них и теперь живу в другом ауле. Но братья все еще не хотят отпускать меня из своих рук. Они хотят похитить меня, клеветают на меня, что я воровка и украла у них шубу. В этом деле им помогает родственник, служащий в аульном совете.

Мы в редакции приняли гостью ласково. На следующий день в газете появился ее портрет и интервью с ней. Братья Байбатыровы были посрамлены. «От братьев Байбатыровых бегут жены», гласила заметка. «Милости просим в редакцию — поделиться впечатлениями о брачной жизни».

5. Не романтика, но деловой расчет

Прокуратуре была задана тяжелая задача — разобратся во всех этих делах.

Из частных разговоров явствовало, что, в конце концов, взаимоотношения между пресловутыми братьями и их беглыми женами сложнее, чем мы, горожане, привыкли думать. Один интеллигентный

татарин, имевший связь с городскими киргизами, однажды сказал в редакции:

— Я много слышал о байбатыровщине. Факты истязания женщин, разумеется, налицо. Это их степной быт. Но не в одном истязании дело. Все эти женщины, так сказать, передовые киргизки. Они узнали законы советской власти и хотят ими воспользоваться. Они требуют развода и об этом говорят вам, редакционным работникам. Но вместе с тем они требуют раздела имущества. Мужья смотрят на это дело так: «Не хочешь быть женой — убирайся. Другую найду. Вернее — куплю». Но, когда уходящая жена требует и имущества, муж начинает ее преследовать, бить, запугивать. Аксакалы, хранители традиций, становятся на сторону мужа. Вот трагедия в чем. Не в любви, а в экономике.

Высказанное нашим другом-татарином вскоре подтвердилось. Жена еще одного из братьев Байбатыровых Куркима, прислала нам письмо с просьбой разрешить совсем уже специальный вопрос насчет наследственного жеребца. Куркима, подавшийся духу времени и наскучив получать побои, тоже развелась. При разделе имущества ей подсунули вместо ее жеребца, который был в ее приданом, некую негодную кобылу. «Когда же кончится произвол братьев Байбатыровых, этих людей знатного рода, служивших при царе в волостном правлении?» — писала Куркима.

Мы посоветовали ей обратиться непосредственно к юристу.

6. «Рабочий Путь», как солнце, должен осветить всех!

Прокуратура вела расследование по первым делам, а письма из аулов все шли и шли. Киргизы вступили в деятельную переписку с редакцией. Писали женщины, писали комсомольцы. Их письма (их хранится у нас немало) подтверждали правильность фельетонов о братьях Байбатыровых, вскрывали «славное прошлое» этого высокого степного рода.

— Наконец-то омская газета обратила внимание на наши киргизские дела,—писал один комсомолец.—Прежде мы тоже посылали письма по разным вопросам, но редакция не печатала—то ли не хотела разбирать наше плохое русское письмо, то ли не хотела путаться в чужое, не русское дело.

Прислали письмо и Байбатыровы. Теперь уж, после портрета Мариам и поднятого шума, они не грозили нам судом. Писали так:

Газета «Рабочий Путь» должна, подобно солнцу, осветить всех без исключения, поэтому надеемся, что найдется скромный уголок для нашего возражения против несправедливой клеветы недругов.

Но в редакцию заходили эти самые недруги. Говорили:

— Большой спасибо! Байбатыровы—хитрый на-

род. Волостью заправляли раньше. Братья в городе в русской школе учились. Богачи. Законы знают — темный народ путают!

Однажды редакцию посетил убитый горем киргиз-батрак.

— Опять по байбатырскому делу?

— Нет. Другое дело. Я Орал Торобаньев, сын бедняка. Жил в Петропавловской губернии. Женился. Прошлему году пошел в Омский округ работать батраком. Заработал триста пятьдесят рублей, прихожу домой — зимовка разломана, скот пропал, жена пропала. Стал я плакать, рвать волос своя голова руками — что такое случилось? Тут приходит брат жены — Абакиров Ахмет, говорит:

— Ты, Орал, не плачь. Я твою жену взял, продал на другой аул за пятнадцать голов скота. За то, что ты долго стал жить в батраках, — может, не вернется, — думал!

Тогда я сказал:

— Где моя хозяйства? Лошадь, корова, двадцать два овца, юрта где?

Ответил брат жены:

— Имущество ваш у меня. Я ваш скот, когда вы батрак был, своим кормом кормил!

— Имущество откуплю, а жена нет! Другой киргиз купил! — так закончил свою речь батрак Орал. — Чего делать буду? Помогай!

Мы посоветовали ему обратиться в петропавловскую газету, в петропавловский суд.

— В Казакстане дело было, в Петропавловской губернии, — а здесь Сибирь. Ничего не можем для тебя, Орал, сделать!

7. Дело кончилось миром

Приходили и еще.

Робкая молодая киргизочка пришла спросить, имеют ли право киргизские брошенные жены получать «алименты» на воспитание детей. Ей говорили в ауле, что только русские женщины имеют право.

— К юристу!

Явились киргизы с базара:

— Припечатай! Три жулика на базаре степных людей обманывают. Ахмет-хромой, Ахмет-толстый и Рахим-грозный. Коровья бумага подделывают. Удостоверень подделывают. Краденое продают!

— В уголовный розыск!

Весело стало в редакции. Так шло месяца три — март, апрель, май. Затем началась пора отпусков и путешествий. Я уехал. Не знаю, являлись ли киргизы еще. Думаю, что охота к посещению редакции постепенно стала у них пропадать. Они поняли, что газета, в конце-концов, не следственный орган, не суд. Газета печатает, но затем, чтобы дело получило реальное разрешение, нужно иметь разговор с прокурором. Особенно, когда дело касается имущественных раздоров.

Мы же выполнили свой долг — пробудили внимание общественности к тем, кто живет за рекой Иртышем в кошмных кибитках, как жили и сто лет назад.

В заключение скажу: я слышал, что обвинения, выдвинутые киргизками против своих мужей Байбатыровых, не подтвердились. Женщины отказались от своих показаний и решили закончить дело миром.

Это — правдоподобно.

Вероятно, во-первых, враждующие стороны пришли к какому-то «семейному» соглашению: мужа, испуганные газетной кампанией, пошли, может быть, на уступки...

А, во-вторых, вспомните: жечь ли ей ягодицы каленым железом, привязать ли ее нагую к черной корове, облить ли ее сорока ведрами холодной воды на морозе?..

Суд аксакалов, хотя и негласный, хотя и противозаконный, все-таки существует.

Мы же знаем, что в то время, когда жила в доме
мать, она была в состоянии, как жила в это
лет было.

В заключение скажу, в том, что это
вспоминание, которое я хочу сказать, что
вспоминание не только не является, но и
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что

является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что

является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что

является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что

является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что

является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что

является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что
является в том, что является в том, что

СОДЕРЖАНИЕ:

Крепости пролетариата.	<i>Стр.</i>
1. Черлак в черновике.	5
2. На разных берегах	12
3. Крепости пролетариата	17
4. Вода.	21
5. Молодняк.	25
6. За казакской границей.	28
7. Чаглы-Теныз	34
8. Два прораба	37
9. Первые всходы	43
У рудоносных барьеров.	
1. Рабочий поезд	50
2. Каша с камешком	53
3. Потомки завоевателей	58
4. Границы стерты	63
Грубый корм или осеннее путешествие по р. Иртышу.	
1. Грубый корм	68
2. Замыслы коммунара Сало	70
3. Спаситель коров	74
4. Беседы на зерне	77
5. Почему коммунары спят вповалку	82
6. За Султановой рощей	86
7. Provincia.	90

Республика номадов.

Стр.

1. В гостях у султана	92
2. Ермак и арбузная корка	98
3. Степная медицина	102

Горы, руды, люди.

1. Распутица.	107
2. Люди гор	112
3. От чуди до советов	122
4. Путь руды	127
5. Битва быта	137
6. Люди обратного пути	144

Бунт желтых жен.

1. Город рос.	152
2. Суд аксакалов	154
3. «Бенгайма боится»	155
4. Братья Байбатыровы	156
5. Не романтика, но деловой расчет	158
6. «Рабочий Путь», как солнце, должен освещать всех	160
7. Дело кончилось миром	162

43523416

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ“

Москва, Центр, площ. Свердлова, Копьевский пер., 3 Телефон 4-46-74.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Алпатов, Л. Сахалин. Очерки. 164 стр. Ц. 1 р. 10 к.
Венкстерн, Н. Чужой. Роман. 308 стр. Ц. 2 р. 30 к.
Перепл. 20 к.

Вишневский, Вс. Первая конная. Пьеса. 144 стр.
Ц. 1 р.

Гарри, А. Европа под ногами. Очерки. 176 стр.
Ц. 90 к. Перепл. 25 к.

Дроздов, А. Конец Петра Великого. Рассказы
314 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Зошенко, М. Лишние люди. Рассказы. 116 стр.
Ц. 70 к.

Катаев, И. Сердце. Рассказы. Издание второе.
256 стр. Ц. 1 р. 50 к. Перепл. 20 к.

Кочин, Н. Девки. Роман. Издание второе, допол-
ненное 228 стр. Ц. 1 р. 50 к. Перепл. 20 к.

Кочин, Н. Записки селькора. 161 стр. Ц. 90 к.
Кравков, М. Большая вода. Рассказы. 152 стр.
Ц. 1 р.

Лола Хан. Маки цветут. Роман. 252 стр.
Ц. 1 р. 90 к. Перепл. 20 к.

Ларский, Л. Записки Самуила Берга. 328 стр.
Ц. 2 р. 15 к. Перепл. 20 к.

Левин, К. Записки из плена. 304 стр. Ц. 2 р.
Перепл. 20 к.

Лидин, В. Искатели. Роман. 246 стр. Ц. 1 р. 85 к.
перепл. бязевый — 60 к., в лапке — 20 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА
Москва, Центр, Божьявленский переулок, 4 и во все
магазины и отделения Госиздата.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ФЕДЕРАЦИЯ“

Москва, Центр, площ. Свердлова, Копьев-
ский пер., 3. Телефон 4-46-74.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

- Окулов, А. Побег. Рассказы. 272 стр. Ц. 2 р. 30 к.
Перепл. 20 к.
- Платонов, Андрей. Происхождение мастера.
Рассказы. 262 стр. Ц. 2 р. 40 к. Перепл. 20 к.
- Рахило, И. Воспоминания Пушкина. Юмори-
стические рассказы. 96 стр. Ц. 60 к.
- Реквием. Сборник памяти Леонида Андре-
ева. Под редакцией Д. Л. Андреева и В. Е. Бекле-
мишевой. Предисловие В. И. Невского. 282 стр.
Ц. 2 р. 50 к. Перепл. 20 к.
- Сергеева, Е. Хорошая партия. Рассказы. 216 стр.
Ц. 1 р. 50 к.
- Спаский, С. Дорога теней. Повести. 138 стр.
Ц. 95 к.
- Смирнов, А. На перекате. Рассказы. 144 стр.
Ц. 1 р.
- Смирнов, М. Рассказы. Михал Михалыча.
Рассказы. 136 стр. Ц. 90 к.
- Снитко, Н. Дом у околицы. Повесть. 112 стр.
Ц. 80 к.
- Сухотин, П. Мара. Рассказы. 126 стр. Ц. 1 р.
- Шильдкрет, К. Гораздо тихий государь. Ис-
торический роман. 346 стр. Ц. 2 р. 60 к. Перепл. 20 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА

Москва, Центр, Боявленский переулок, 4 и во все
магазины и отделения Госиздата.

